

XXII.

МАККИАВЕЛЛИ и ГВИЧЧИАРДИНИ.

Никколо, сынъ Бернардо Маккиавелли, родился во Флоренціи 3 мая 1469 года; онъ получилъ обычное гуманистическое образованіе, собственное той эпохѣ, но не былъ ученымъ и въ особенности не имѣлъ никакихъ свѣдѣній по греческому языку. Чтеніе классиковъ оказало на него большое вліяніе, но не меньшее впечатлѣніе произвелъ и жизненный опытъ, придавшій его мышленію высокую оригинальность. 19 іюня 1498 года онъ получилъ мѣсто въ секретаріатѣ республики и потомъ 12 іюля былъ поставленъ въ главѣ второй канцеляріи, которая обыкновенно служила Dieci di Balìa, т. е. магистрату, заведывавшему военными и иностранными дѣлами. Это занятіе имѣло соотвѣтствіе со способностями Маккиавелли; эта неустанная работа, составленіе многочисленныхъ дѣловыхъ бумагъ, многоразличныя миссіи внѣ города, отвѣчали его живой склонности къ политической дѣятельности. Его ловкость доставила ему расположеніе начальства; его веселый юморъ, остроуміе, которымъ онъ, какъ приправой, оживлялъ сухія дѣла, сдѣлали его популярнымъ у подчиненныхъ. Когда онъ отсутствовалъ, его письма были усладой для его друзей, шутки, содержащіяся въ нихъ, возбуждали неистощимый смѣхъ. И эта переписка не была собственно моральной; онъ любилъ свободныя удовольствія и не отказался отъ подобной жизни даже тогда, когда въ 1502 году женился на Маріеттѣ Корсини, бывшей для него вѣрной и любящей супругой.

Главнымъ намѣреніемъ флорентинской республики было въ то время вторичное завоеваніе Пизы, возмущившейся въ 1494 году. Постоянно возникавшія новыя затрудненія и комбинаціи замедляли исполненіе этой задачи, съ которой Маккиавелли постоянно имѣлъ дѣло. Въ то время какъ въ іюлѣ 1500 года онъ вмѣстѣ съ комиссаромъ Лука дельи Альбицци находился въ лагерѣ, возмущились швейцарцы и

гасконцы, которыхъ городъ получилъ отъ Людовика XII, въ качествѣ вспомогательныхъ отрядовъ; недовольные платой и пищей, они совершали грабежи и дѣлали угрозы; комиссаръ и Маккиавелли среди этихъ разнузданныхъ отрядовъ сами подвергались большой опасности; нападеніе на Пизу не имѣло успѣха, и войско, понеся большія потери, разбѣлось. Король Людовикъ былъ разгнѣванъ такимъ позоромъ, павшимъ на его оружіе, и приписывалъ вину въ значительной степени флорентинцамъ; чтобы умиротворить его, въ концѣ іюля 1500 года были посланы во Францію Франческо дельа Каза и Маккиавелли, но король и лица его окружавшія оказались высокомерными, непрерывно жаловались, и въ тонѣ приказанія требовали денегъ. При дворѣ было много элементовъ, враждебныхъ флорентинцамъ, таковы были въ особенности итальянцы, окружавшіе ихъ подозрѣніемъ и осыпавшіе ихъ клеветами: слабость республики была очевидна, каждый осмѣливался безъ церемоніи вредить ей, и языкъ обоихъ посланниковъ долженъ былъ всегда быть благоразумнымъ и подавленнымъ, даже смиреннымъ и умоляющимъ. Дѣла канцеляріи, пребываніе въ лагерѣ передъ Пизой, показали Маккиавелли, какъ вредны были наемные отряды и какъ бесполезна чужая помощь при отсутствіи собственныхъ силъ; какъ посланникъ при могущественной націи, онъ ощутилъ всю слабость своего родного города, который, чтобы удовлетворить несправедливымъ требованіямъ короля и чтобы совершенно сгладить возникшія шероховатости, долженъ былъ отправить новаго посланника, въ лицѣ Піера Франческо Тозинги. Самъ Маккиавелли въ своихъ многоразличныхъ миссіяхъ не былъ полномочнымъ представителемъ государства, не былъ тѣмъ, что называлось тогда *oratore*, и не могъ быть по причинѣ своего служебнаго положенія, въ качествѣ правительственнаго секретаря. Его миссія не была рѣшающей, а только подготовительной, но именно поэтому она и была тѣмъ болѣе важной и трудной; онъ долженъ былъ выгадывать время, зондировать и наблюдать. Его положеніе внѣшнимъ образомъ было менѣе торжественно, чѣмъ положеніе *oratore*, но во всякомъ случаѣ оно не было подчиненнымъ, — и наблюдать, вникать въ пониманіе новыхъ условий и учрежденій, изучать отдѣльныя личности, оцѣнивать ихъ планы, въ этомъ была его страсть и его гений. Это проявляется все болѣе и болѣе въ посланническихъ бумагахъ изъ Франціи, въ ясной обрисовкѣ положенія, опасностей, интригъ людей, ихъ важности и вліянія. На такія путешествія средства выдавались самыя скудныя, благодаря чему его письма переполнены жалобами на недостатокъ денегъ и просьбами о болѣе щедромъ содержаніи. Чтобы выступать съ необходимымъ достоинствомъ, чтобы не причинять безчестія лицамъ, посылавшимъ его, онъ жертвовалъ своими стѣсненными личными средствами, входилъ въ долги, пренебрегалъ своими домашними дѣлами. Съ полнымъ безкорыстіемъ онъ испол-

нѣль обязанности, довѣренныя ему, и, разъ становился лицомъ къ лицу съ ними, его собственная личность совершенно исчезала. Сколько разъ онъ долженъ былъ поддерживать мѣры, которыя были продиктованы политикой нерѣшительности и неувѣренности и слѣдствія которыхъ онъ видѣлъ такъ ясно! Какъ посланникъ, онъ долженъ былъ не разсуждать, а только дѣлать доклады и исполнять; но его проницательность цѣнилась очень высоко, и при предъявленіи своихъ мнѣній, въ отношеніяхъ съ властями, онъ употреблялъ выраженія самыя энергическія.

Въ такомъ родѣ было сочиненіе, оставшееся недоконченнымъ, *Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati*, которое предлагаетъ планы для обезпеченія господства Флоренціи надъ Арреццо и его окрестностями, утраченнаго въ іюнѣ 1502 года и пріобрѣтеннаго вновь съ помощью французовъ. Здѣсь впервые ясно выступаетъ политическій методъ автора, именно его манера выводить изъ разсмотрѣнія историческихъ фактовъ общія правила, которыя могли бы служить на практикѣ. Примѣръ онъ беретъ конечно изъ римской исторіи и это тотъ же самый примѣръ, которымъ онъ послѣ пользовался для аналогичныхъ цѣлей въ своихъ *Discorsi* (II, 23): изъ поведенія Римлянъ по отношенію къ городамъ Лациума послѣ побѣды Камилла должно усмотрѣть, какъ слѣдуетъ обходиться съ покоренной Вальдикіаной. Макіавелли предостерегаетъ отъ всякихъ половинныхъ мѣръ; по отношенію къ Кортонѣ, Кастильоне и другимъ мѣстамъ была удобна доброта и снисходительность; но относительно Арреццо нужно дѣйствовать сурово и безъ малѣйшихъ стѣсненій, чтобы лишить этотъ городъ возможности вредить. Половинными мѣрами его ожесточили и оставили ему въ то же время силу причинять вредъ, разъ только приближается какой-нибудь врагъ. Эту угрожающую опасность онъ видитъ въ лицѣ Чезаре Борджіа показываетъ, куда необходимо должны повести его честолюбивые замыслы, и хвалить именно такую систему дѣйствій, которая идетъ прямо къ цѣли, хвалить ловкость Чезаре и папы Александра въ пользованіи обстоятельствами, оцѣниваетъ самыхъ опасныхъ враговъ своего отечества съ полной объективностью.

Чезаре Борджіа, *duca Valentino*, онъ зналъ уже лично; 22 іюня этого года онъ сопровождалъ епископа Франческо Содерини въ посланнической миссіи къ нему, въ Урбино, оставался тамъ только два дня, но увидалъ достаточно, чтобы удивляться въ Борджіа тому, чего слишкомъ не доставало его родинѣ, энергіи, мужеству, неутомимости, умѣнью окружать свои планы тайной,—и отчетъ 26 іюня набрасываетъ превосходный портретъ страшнаго герцога Романьи. Послѣ заговоровъ мелкихъ тирановъ Средней Италіи, въ особенности Орсини и Вителли, противъ него, Макіавелли снова былъ посланъ къ Чезаре 7-го октября, и тогда этотъ послѣдній прочелъ ему самую

полную лекцію касательно этой безпощадной, рѣшительной политики, пользующейся всякими средствами и не гнушающейся ни обманомъ, ни жестокостью. Одинъ моментъ герцогъ находился въ большой опасности, когда онъ увидалъ себя беззащитнымъ по отношенію къ тѣмъ, которые до этихъ поръ были его приверженцами, но онъ сумѣлъ разрушить ихъ союзъ, завязалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ частичные переговоры, а самъ въ это время ревностно приготовлялся; паутина, сотканная имъ, была такъ тонка, что и флорентинскій секретарь не видалъ ничего. Паоло Орсини, герцогъ Гравина, Оливеротто изъ Фермо и Вителлоццо Вителли снова поступили на службу къ Чезаре и 29 декабря завоевали для него Синигалию, вѣроятно не безъ заднихъ цѣлей; но 31-го декабря онъ появился съ своимъ войскомъ въ городъ, заключилъ въ тюрьму безпечныхъ и велѣлъ въ ту же ночь задушить Оливеротто и Вителлоццо. Затѣмъ съ быстротой молніи онъ бросился на другихъ своихъ враговъ, прежде чѣмъ они успѣли опомниться отъ ужаса, охватившаго ихъ при этомъ первомъ ударѣ, взялъ Читта ди Кастелло и Перуджію, сдѣлалъ такъ, что Пандольфо Петруччи былъ изгнанъ изъ Сіены и въ своемъ побѣдномъ шествіи, сопровождавшемся убійствами и грабежомъ, былъ удержанъ только оппозиціей со стороны Франціи. Въ ночь этой кровавой катастрофы Маккиавелли бесѣдовалъ съ герцогомъ и последовалъ за нимъ въ его походъ, оставаясь при немъ до 20 января. Онъ присутствовалъ при многихъ ужасахъ, но интересъ политика подавлялъ въ немъ чувства человѣка; смѣлое насиліе, сопровождающееся искусными приготовленіями и громаднымъ успѣхомъ, произвело на него глубокое впечатлѣніе. Понятно, онъ не побуждалъ герцога къ предательству, относительно котораго онъ не зналъ до послѣдняго момента, но онъ рассказываетъ о немъ совершенно хладнокровно, видимо не изъявляя никакого неодобренія касательно поведенія Борджіа. Вернувшись въ родной городъ, онъ снова рассказалъ этотъ фактъ въ связной формѣ, въ *Descrizione del modo tenuto dal duca Valentino nell'ammazzare Vitellozzo Vitelli*, и т. д., рассказалъ его съ нѣкоторыми неточностями, потому что писалъ на память, а быть можетъ и съ умышленными измѣненіями, чтобы выставить въ болѣе хорошемъ свѣтѣ мудрость Чезаре; съ исторической правдивостью онъ никогда не церемонился слишкомъ, если хотѣлъ доказать какую-нибудь политическую доктрину.

Какъ въ Романѣ онъ видѣлъ успѣхъ Чезаре Борджіа въ его возростаніи, такъ немного спустя онъ видѣлъ его быстрое паденіе при посланничествѣ въ Римъ, куда онъ отправился въ октябрѣ 1503 года во время конклава. Выѣстъ съ неожиданной внезапной смертью своего отца Александра VI, герцогъ потерялъ главную опору своего могущества, которое не было настолько велико, чтобы оказать рѣшительное вліяніе на избраніе новаго папы, когда Пій III умеръ

послѣ десяти дней правленія. Поддерживая Джуліано дела Ровере (Юлія II), онъ полагалъ свою послѣднюю надежду на заманчивыя обѣщанія этого послѣдняго, и былъ обманутъ совершенно также, какъ столько разъ обманывали и онъ самъ и его отецъ. Сперва флорентинцы и Маккіавелли еще считаются съ нимъ, пока не обнаруживается, насколько связаны съ реальной дѣйствительностью его надежды; но какъ только намѣренія Юлія II дѣлаются явными, Маккіавелли въ своихъ отчетахъ объявляетъ его потеряннымъ человѣкомъ и не питаетъ къ нему болѣе никакого интереса. Въ этомъ не было никакого отступничества: онъ ничѣмъ не былъ обязанъ по отношенію къ Чезаре, преклонялся передъ нимъ, не какъ передъ человѣкомъ, а какъ передъ политикомъ, и продолжалъ судить о его прежнемъ поведеніи такъ же, какъ судилъ раньше; иная картина, которую онъ даетъ, обрисовывая его поведеніе въ данный моментъ, соотвѣтствовала только перемѣнѣ въ реальной дѣйствительности. Онъ не упрекаетъ его теперь въ неспособности и не могъ упрекать, потому что Чезаре сдѣлалъ все, что было возможно сдѣлать для спасенія. Посланникъ, дававшій отчетъ своему городу, интересовался только политическими силами, и Чезаре въ этомъ смыслѣ пересталъ существовать; то, что заставляло Маккіавелли преклоняться передъ нимъ, принадлежало прошлому.

Въ декабрѣ Маккіавелли вернулся изъ Рима, и уже въ январѣ 1504 года отправился снова во Францію, чтобы вмѣстѣ съ находившимся тамъ посланникомъ Никколо Валори получить отъ короля настоящія охранительныя мѣры для Флоренціи, которой съ юга угрожали испанцы, а съ сѣвера венеціанцы. Трехгодичное перемиріе между Франціей и Испаніей принесло нѣкоторое временное успокоеніе, но положеніе республики оставалось затруднительнымъ; ретроспективный взглядъ на прошлый періодъ со времени ея возстановленія не могъ внушить наблюдателю большой надежды. Первое изъ Деценнале Маккіавелли, посвященное имъ письмомъ отъ 9-го ноября 1504 года Аламанно Сальвиати, даетъ въ терцинахъ короткій компендій военныхъ и политическихъ событій послѣднихъ десяти лѣтъ. Онъ хотѣлъ этимъ возбудить самымъ живымъ образомъ вниманіе флорентинцевъ, указать имъ на опасности, окружавшія ихъ, и выбралъ поэтическую форму, чтобы тѣмъ самымъ оказать болѣе дѣйствительное и болѣе общее впечатлѣніе, совершенно также какъ площадные пѣвцы со временъ Пульчи излагали передъ народомъ историческія событія, облачая ихъ въ стихотворную форму. Удивительны въ своей сжатой краткости законченность и ясный распорядокъ запутанныхъ событій, которыя то здѣсь, то тамъ искусно освѣщены какимъ-нибудь ироническимъ выраженіемъ. Флоренція, являющаяся центральнымъ пунктомъ, предстаетъ всегда въ своемъ безсиліи, она постоянно находится въ зависимости отъ прихоти другихъ, ей вредятъ

друзья и недруги. Причины всѣхъ этихъ романтическихъ колебаній все еще продолжаются; ни одна изъ заинтересованныхъ властей не достигла своей цѣли и авторъ предвидитъ, что изъ этого горячаго матеріала вспыхнетъ еще болѣе страшное пламя. Есть только одно средство укрѣпить себя, именно снабдить городъ вооруженіемъ, «снова открыть храмъ Марсу». Это — доктрина, заключающая поэмѣ, и послѣдовавшія событія вскорѣ оправдали ее. Бартоломмео д'Альвiano, который, послѣ того какъ онъ былъ на жалованьи у Испаніи, пришелъ въ Тоскану съ намѣреніями враждебными Флоренціи, былъ совершенно побѣжденъ мужественнымъ генераломъ-комиссаромъ Антоніо Джакомини 17 августа 1505 года при Torre di San Vincenzo; но нападеніе на Пизу не удалось главнымъ образомъ благодаря трусости и недисциплинированности войскъ. Мысль снабдить городъ собственной милиціей, поставить его въ возможность обходиться безъ этихъ ненадежныхъ наемныхъ солдатъ, приняла у Макіавелли конкретную форму.

Жалобы на наемныя войска, увѣщанія возстановить древнее военное мужество, съ давнихъ поръ уже слышались въ Италіи. Петрарка въ своей знаменитой канцонѣ возбуждалъ князей противъ чужеземныхъ варварскихъ солдатъ, наводнявшихъ страну; Ландино въ одной элегіи своей Xandra въ теплыхъ словахъ убѣждалъ флорентинцевъ принять участіе въ войнѣ противъ короля Альфонсо (1452), напоминалъ имъ о славной битвѣ при Кампальдино. Папа Пій въ своихъ Меморіе предостерегалъ противъ печальныхъ послѣдствій системы наемныхъ войскъ, и въ одномъ прекрасномъ стихотвореніи, въ *Amores*, Понтано (I. II) оплакивалъ прошедшія времена, когда граждане сражались за отечество, какъ благородные римляне. Во Флоренціи также уже неоднократно помышляли о необходимости ввести вновь античныя милиціи, но намѣреніе не приводилось въ практическое выполненіе ¹⁾. Только крайняя необходимость принуждала гражданъ браться за оружіе, какъ напр. это было съ осажденными пизанцами, которые долгое время защищались героически. Изученіе классиковъ и опытъ настоящаго показали Макіавелли, что величіе государствъ основывается на сильномъ національномъ войскѣ и что только военное воспитаніе народа могло спасти отъ гибели его родной городъ и его родную страну. Этой великой задачѣ онъ посвятилъ себя съ энтузіазмомъ, увлекшимъ за собой другихъ. Онъ тщательно изучилъ средства для достиженія своей мысли, въ своихъ служебныхъ путешествіяхъ постоянно наблюдалъ условія военного дѣла, искалъ у кондотьеровъ поученія и, насколько было возможно, знакомился съ техническими деталями. Съ конца 1502 года во главѣ коммуны, въ качествѣ пожизненнаго гонфалоньера, сталъ Пьеръ Со-

¹⁾ См. Guicciardini, Storia fior., cap. 29, p. 234.

дерини, человекъ, который, какъ правитель государства, не соответствовалъ идеалу Маккиавелли, ибо въ немъ не доставало надлежащей энергіи, но добрый гражданинъ, вполне честный и исполненный любви къ своему городу; онъ относился къ Маккиавелли съ самымъ большимъ довѣріемъ. Въ особенности этотъ послѣдній нашелъ поддержку для своего плана также у брата gonfaloniere, кардинала Вольтерры, Франческо Содерини. Начались вооруженія поселянъ; въ концѣ 1505 г. и въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1506 г. Маккиавелли разъѣзжалъ по Муджелло и Казентино, самъ посѣщалъ и записывалъ людей пригодныхъ къ службѣ и руководилъ раздачею оружія. Потомъ, исполняя обязанности при своей канцеляріи, онъ продолжалъ веденіе дѣла съ тѣмъ же ревностнымъ пыломъ, и ему удалось сьорганизовать новый магистратъ Nove della milizia, гдѣ самъ онъ былъ секретаремъ. Конечно условія эпохи не позволяли, чтобы эти *truppe dell'ordinanza*, какъ ихъ тогда называли, представили изъ себя что нибудь иное, кромѣ несовершенной попытки. Отчетъ Маккиавелли относительно ихъ, *Discorso dell'ordinare lo stato di Firenze alle armi*, показываетъ, съ какими затрудненіями пришлось ему бороться. Худшимъ зломъ было недовѣріе, благодаря которому не хотѣли дать милиціямъ одного верховнаго главу, и командующіе отдѣльными отрядами должны были время отъ времени мѣняться другъ съ другомъ; иначе говоря, авторитетъ, являющійся основой дисциплины, не могъ надлежащимъ образомъ укорениться, вслѣдствіе опасенія, что онъ можетъ обратиться противъ государства. Самъ Маккиавелли не имѣлъ такихъ опасеній; онъ предпочелъ бы тиранію чужеземному господству¹⁾, но онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ подозрительной, боязливой демократіей.

Въ августѣ 1506 года онъ снова былъ посланъ къ папѣ Юлію, котораго онъ сопровождалъ во время его смѣлаго завоевательнаго похода отъ Непи до Имолы, и въ декабрѣ 1507 года онъ отправился ко двору императора Максимилиана, жилъ въ Тиролѣ, по большей части въ Больценѣ, потомъ въ Тридентѣ, въ Меранѣ и въ Инсбрукѣ. Но по дорогѣ онъ провелъ нѣсколько дней въ Швейцаріи и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы ознакомиться съ учрежденіями этой націи, которая своимъ военнымъ мужествомъ возбуждала удивленіе Европы. Не владѣя нѣмецкимъ языкомъ, онъ понятно могъ почерпнуть свѣдѣнія только отъ соотечественниковъ и отъ другихъ отдѣльных лицъ. По возвращеніи, его опять занимали главнымъ образомъ военныя дѣла; война противъ Пизы близилась къ концу и въ его рукахъ находились административныя дѣла войска. Въ іюнѣ 1509 года городъ сдался; во Флоренціи ликованіе приняло большіе размѣры, и всѣ признавали, что самая значительная часть этого успѣха принадлежитъ Маккиавелли. Кромѣ цѣлаго ряда менѣе важныхъ мис-

¹⁾ См. фрагментъ одной рѣчи у Tommasini, Machiavelli, I, 661, n. 4.

сий, онъ еще дважды получалъ потомъ дипломатическія порученія, оба раза во Франціи, лѣтомъ 1510 года и осенью 1511.

Опыты и наблюденія, которые онъ собралъ во время своихъ дипломатическихъ поѣздокъ и которые въ разбросанномъ видѣ записывалъ въ свои отчеты, иногда были соединены имъ съ большимъ порядкомъ въ полную и законченную картину, въ небольшихъ специальныхъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ плодомъ его дипломатической поѣздки къ императору было сочиненіе *Rapporto delle cose della Magna* (1508), которое позднѣе, сдѣлавъ нѣкоторыя добавленія, онъ переработалъ въ *Ritratti delle cose della Magna*, а изъ повторныхъ посѣщеній Франціи возникли *Ritratti delle cose della Francia*. Изображая здѣсь политическія условія чуждыхъ націй, онъ постоянно ставитъ вопросъ, въ чемъ кроется сила даннаго государства и на какихъ силахъ оно покоится; на этомъ онъ основываетъ свое сужденіе относительно роли, которую государство должно играть въ общей политикѣ и опредѣляетъ, какъ должно съ нимъ считаться. Въ Италіи относились съ большимъ опасеніемъ къ предполагавшемуся римскому походу Максимилиана и удивлялись жалкому исходу первой попытки. Маккиавелли находить причины его частью въ личности императора, частью въ состояніи имперіи. Онъ набрасываетъ портретъ этого государя, въ которомъ добродѣтели правителя и полководца перемѣшивались съ фатальными недостатками, и живо изображаетъ смуту въ положеніи Германіи, ослабленіе крупной силы, благодаря столкновенію съ множествомъ враждебныхъ элементовъ. Но нѣмецкіе города въ сильной степени вызываютъ его удивленіе своимъ порядкомъ и своей свободой, воинственнымъ характеромъ и умѣренностью, свойственной ихъ гражданамъ. Здѣсь онъ очень преувеличилъ: изъ личныхъ наблюденій онъ зналъ только Швейцарію и Тироль, остальное же по наслышкѣ, и перенесъ на все государство нравы горцевъ. Въ этихъ коммунахъ, въ которыхъ граждане были солдатами и которые всецѣло основывались на своей силѣ, онъ видѣлъ образецъ для своего отечества; испорченности и слабости этого послѣдняго онъ хотѣлъ противопоставить суровость и мужество, и въ его умѣ идеаль сдѣлался настолько сильнымъ, что повліялъ на изображеніе дѣйствительности, чего онъ самъ не замѣтилъ. Свѣдѣнія относительно Франціи, которую онъ четыре раза посѣщалъ, выказываютъ гораздо болѣешую точность, въ нихъ много данныхъ объ отдѣльныхъ деталяхъ, о государственныхъ доходахъ, о магистратурахъ, о духовенствѣ и т. д.; однако и это довольно сухія замѣчанія, иногда набросанныя бѣглымъ образомъ и лишенные связи. Вездѣ выступаетъ контрастъ по отношенію къ состоянію Германіи, тѣсное единство въ сравненіи съ раздробленностью, всемогущество короля, неисчерпаемость его денежныхъ и военныхъ средствъ въ сравненіи съ постоянными затрудненіями императора, превосходныя качества кавалеріи, формирую-

шейся всецѣло изъ младшихъ сыновей аристократическихъ семействъ, и плохія качества инфантеріи, которая въ Германіи наоборотъ превосходна и образуется здѣсь изъ свободныхъ гражданъ, богатство почвы и недостатокъ въ сбытѣ продуктовъ, благодаря чему народъ остается бѣднымъ, въ то время, какъ нѣмецкіе города обогащаются, благодаря своей торговлѣ. Въ Германіи вся сила заключается въ отдѣльныхъ членахъ, и благодаря этому она скована цѣпами, во Франціи все сосредоточивается въ центральномъ пунктѣ. Конечно авторъ преклоняется и передъ этой силой, проистекающей изъ концентраціи; но онъ не находитъ въ этомъ образца для своихъ согражданъ и данныя условія его интересуютъ меньше, потому что они не такъ ложны и въ меньшей степени возбуждаютъ его утонченное остроуміе. Къ французамъ онъ не имѣлъ особенной симпатіи и ихъ характеръ обрисовалъ нелестнымъ образомъ.

Когда послѣ побѣдной битвы при Равеннѣ (1512) французы тѣмъ не менѣе были вытѣснены изъ Италіи, Флоренція увидѣла себя скомпрометированной своими дружескими отношеніями къ Франціи. Участники священнаго союза постановили низложеніе Содерини и возвращеніе фамилии Медичи. Моментъ, предвидѣнный Маккіавелли, когда осторожное лавированіе ни къ чему болѣе непригодно, наконецъ пришелъ; теперь отряды его *ordinanza* должны были показать себя. Но эти милиціи, еще не видавшія никакой серьезной битвы, бѣжали отъ испанцевъ; городъ Прато былъ страшнымъ образомъ разграбленъ (29 августа); Содерини долженъ былъ уступить и Медичи снова были приглашены. Многіе приспособились къ новому порядку вещей и самъ Маккіавелли старался удержать свою должность. Письмо, гдѣ онъ даетъ отчетъ о послѣднихъ событіяхъ одной дамѣ, близко стоящей къ новымъ владыкамъ, и гдѣ онъ называетъ представителей фамилии Медичи своими *ragioni*, радуясь спокойствію города и надѣясь на возвращеніе прекрасныхъ дней Лоренцо *il Magnifico*, конечно не дѣлаетъ ему чести, хотя бы онъ и принималъ въ расчетъ обыкновенія того времени; можно было бы желать, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое время помолчалъ послѣ самыхъ событій. И то, что удавалось столь многимъ, ему не удалось; было хорошо извѣстно, съ какимъ жаромъ онъ оказывалъ противодействие до самого послѣдняго момента; довѣріе, которымъ онъ пользовался у Содерини, могущественное его вліяніе надолго создали ему множество враговъ, интриговавшихъ противъ него съ помощью клеветъ. Такимъ образомъ онъ нигдѣ теперь не находилъ поддержки; 7 ноября 1512 года онъ былъ отрѣшенъ отъ своей должности и въ теченіи одного года ему было воспрещено жить въ предѣлахъ флорентинской территоріи. Мало того, его заподозрили въ прикосновенности къ предполагавшемуся заговору, благодаря которому (22 февраля 1513) Піетро Паоло Босколи и Агостино Каппони были казнены. Маккіавелли также былъ заключенъ въ

тюрьму и подвергнуть пыткам, но потомъ былъ объявленъ невиновнымъ и отпущенъ на свободу.

Онъ удалился въ свое небольшое имѣнье близъ S. Casciano, за семь миль отъ Флоренціи, и являлся въ городъ лишь изрѣдка. Хотя отнынѣ онъ былъ исключенъ изъ сферы общественной жизни и часто совсѣмъ не имѣлъ свѣдѣній о новыхъ событіяхъ, относительно которыхъ въ прежнія времена онъ всегда былъ освѣдомленъ изъ лучшихъ источниковъ, мысль его продолжала работать въ прежнемъ направленіи. Переписка съ Франческо Веттори, который находился въ Римѣ, какъ флорентинскій посланникъ, показываетъ намъ, съ какимъ величайшимъ интересомъ относился онъ къ превратностямъ политической жизни. Другъ предлагаетъ ему вопросы о мотивахъ въ поведеніи князей и о надеждахъ на будущее, и Маккіавелли даетъ ясныя разсужденія, полныя строгой логической послѣдовательности, такъ что Веттори долженъ имъ подчиниться. Это—продолженіе бесѣды, имѣвшихъ мѣсто уже прежде во Флоренціи, общія соображенія, которыя они уже раньше начали высказывать, находясь, какъ послы, при императорскомъ дворѣ, политическіе разговоры, всецѣло основанные на реальныхъ фактахъ, страсти людей и отношеній, которыя были враждебными или дружественными ихъ намѣреніямъ. Каждый изъ двухъ корреспондентовъ теоретически устанавливалъ миръ между властями съ условіями, которыя обѣщали нѣкоторую продолжительность и могли такимъ образомъ обезпечить на извѣстное время прочное политическое положеніе. Но имъ не приходило въ голову возможность независимости всей Италіи, въ обоихъ проявляется гражданинъ Флоренціи, который говоритъ согласно съ интересами своей коммуны. Когда позднѣе 3 декабря 1514 года, Веттори приглашаетъ его высказать сужденіе о мѣрахъ, которыя папа долженъ будетъ принять, если Франція въ союзъ съ Англіей и Венеціей нападетъ на Миланъ, а императоръ, швейцарцы и испанцы будутъ его защищать, Маккіавелли съ аргументаціей самой полной, самой убѣдительною рекомендуетъ примкнуть къ Франціи. Это сочиненіе было предназначено для поднесенія папѣ; Маккіавелли надѣялся, что, если здѣсь признаютъ его политическую мудрость, ее будутъ цѣнить и снова дадутъ ему какую-нибудь должность. На самомъ дѣлѣ Левъ X, кардиналъ Джіуліо и кардиналъ Баббіена признали справедливость разсужденія и очень удивлялись ихъ логичности, но на пользу автора ничего изъ этого не проистекло.

Будучи исполненъ страстной жажды дѣятельности, питая твердое убѣжденіе въ своей способности совершить что-нибудь хорошее и значительное, Маккіавелли старалъ желаніемъ получить какую-нибудь общественную должность. Жизнь, всецѣло посвященная только занятіямъ и размышленіямъ, не удовлетворяла его практическую натуру, но отъ этого получилась большая польза для его писательской

работы, и къ ней устремились тогда всѣ тѣ силы, которыя раньше онъ растрчивалъ въ дѣлахъ. При тогдашнихъ условіяхъ онъ при всей своей доброй волѣ съ трудомъ могъ совершить что нибудь значительное для государства и едва могъ найти необходимый приемъ для того, чтобы составлять свои болѣе крупныя работы. Нерѣдко несчастіе писателя было источникомъ наиболѣе совершенныхъ литературныхъ произведеній; если бы Данте не былъ изгнанъ, онъ не написалъ бы въ такомъ видѣ свою «Божественную Комедію», и если бы Маккиавелли не былъ отрѣшенъ отъ должности, быть можетъ мы не имѣли бы *Discorsi* и *Principe*.

Въ одномъ письмѣ отъ 23 ноября 1513 года Франческо Веттори описывалъ жизнь, которую онъ велъ въ Римѣ, гдѣ съ исполненіемъ немногихъ официальныхъ обязанностей онъ соединилъ изученіе древнихъ историковъ, съ пунктуальнымъ посѣщеніемъ мессы соединилъ посѣщеніе куртизанокъ, и приглашалъ его прибыть и принять участіе въ этой удобной и веселой жизни. Маккиавелли отвѣтилъ знаменитымъ письмомъ отъ 10 декабря, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, какія когда-либо были написаны; здѣсь въ ясныхъ штрихахъ обнаруживается состояніе его души, выказывается весь человѣкъ съ страннымъ смѣшеніемъ его наклонностей и поступковъ, здѣсь мы узнаемъ о происхожденіи его главной работы. Онъ также описываетъ свою ежедневную жазнь въ деревнѣ, въ домикѣ, находящемся близъ S. Casciano. Онъ встаетъ съ солнцемъ, отправляется въ лѣсъ и бесѣдуетъ съ работниками, которые рубятъ дрова; затѣмъ онъ идетъ къ источнику и въ одну свою *птицеловню*; онъ несетъ съ собою какую-нибудь книгу, Данте, Петрарку, Тибулла, Овидія, или кого-нибудь изъ другихъ, и тамъ читаетъ описаніе этихъ любовныхъ страстей, эти любовныя увлеченія напоминаютъ ему его собственныя ¹⁾, и онъ на минуту услаждается этой мыслью. Затѣмъ онъ отправляется въ сельскую гостиницу, спрашиваетъ у прохожихъ, нѣтъ ли чего новаго, замѣчаетъ ихъ вкусы и ихъ идеи, и послѣ скуднаго обѣда возвращается назадъ, играетъ съ трактирщикомъ, съ мясникомъ, съ мельникомъ, съ двумя кирпичниками; изъ-за какого-нибудь *quattrino* спорятъ и кричатъ такъ громко, что шумъ суматохи доносится до S. Casciano. Но вечеромъ онъ снимаетъ съ себя грязное будничное платье, облачается, какъ говоритъ онъ, въ королевскія одежды и отправляется къ *sorti* великихъ классиковъ, бесѣдуетъ съ ними и они отвѣчаютъ ему благосклонно: «я питаюсь этой пищей, которая только и принадлежитъ мнѣ и для которой я родился». Такимъ образомъ проходитъ четыре часа въ его рабочемъ кабинетѣ, и онъ не испытываетъ никакихъ заботъ, онъ забываетъ «всякое огор-

¹⁾ Я читаю, „e quelli loro amori ricordonmi de'mia“ вмѣсто „amori, ricordomi“, какъ въ изданіяхъ.

чение, не боится бѣдности, не пугается смерти, всецѣло переселяется въ этихъ классическихъ авторовъ». Изъ этихъ занятій возникаетъ книга *De principatibus*, *Principe*, которая была тогда уже готова въ цѣломъ и которую онъ только исправлялъ и дополнялъ. Но онъ работалъ также надъ другимъ произведеніемъ, болѣе обширнымъ, *Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*; онъ началъ эту книгу раньше *Principe* и былъ занятъ ею еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ, такъ что обѣ книги цитируются одна въ другой.

Discorsi должны были быть продолжены дальше, другія декады исторіи Ливія должны были подвергнуться разработкѣ; но первая часть, единственная часть, оставшаяся написанной, уже представляетъ изъ себя цѣлое и содержитъ важнѣйшіе элементы новой государственной науки. Мы не видимъ здѣсь непрерывнаго истолкованія автора, не видимъ, что Макіавелли слѣдовалъ за текстомъ регулярно, онъ только извлекаетъ отсюда факты, дающіе ему поводъ для размышленій; въ особенности съ позднѣйшими отдѣлами онъ обходится очень свободно, выбираетъ то здѣсь, то тамъ свои примѣры, а также и изъ другихъ декадъ. Римская исторія представляетъ изъ себя подтвержденіе его политической доктрины; онъ разсматриваетъ учрежденія, законы и предписанія, наблюдаетъ, какъ они осуществлялись и отыскиваетъ въ натурѣ людей причины ихъ хорошаго или дурного вліянія. Первая книга говоритъ о внутреннемъ управленіи государства, вторая—объ успѣхахъ внѣ государства; третья представляетъ изъ себя цѣлый рядъ общихъ соображеній и въ томъ и въ другомъ родѣ. Но наряду съ римской исторіей ему служатъ въ качествѣ примѣровъ и событія новѣйшихъ временъ, при которыхъ онъ самъ присутствовалъ, въ которыхъ онъ играли свою роль, когда исполнялъ служебныя обязанности.

Теоретическія сочиненія Макіавелли основываются на долгомъ и непосредственномъ изученіи дѣйствительныхъ условій въ связи съ постояннымъ изученіемъ классиковъ; они всегда тѣсно соединены съ его прежней практической дѣятельностью. Мы видимъ, что они какъ бы выросли изъ этой послѣдней, видимъ, какъ соображенія накапливались и слагались въ общіе принципы, мало-по-малу появляющіеся въ его дипломатическихъ отчетахъ, какъ они соединились наконецъ въ формѣ трактатовъ. Сочиненіе о мѣрахъ относительно мятежной Вальдикианы является почти законченной главой изъ *Discorsi*. Политика, которая въ средніе вѣка основывалась на абстрактныхъ идеяхъ морали, справедливости, предназначенія человѣка,—дѣлается теперь, у Макіавелли и его современниковъ, наукой, извлеченной изъ разсмотрѣнія дѣйствительности и исторіи. Исторія—учительница нашихъ поступковъ, таково было древнее мнѣніе; но прежде въ исторіи видѣли господство одной высшей власти; поученіе, отсюда проискавшее, было религіознымъ или моральнымъ, какъ у Джіованни

Виллани; Эпоха Возрожденія устранила это понятіе, она признала въ историческомъ фактѣ существеннымъ образомъ проявленіе естественныхъ силъ и инстинктовъ человѣка, и въ результатѣ получилась доктрина политическая. Люди, говоритъ Маккиавелли, всегда оставались одними и тѣми же, всегда мы видимъ одни и тѣ же наклонности, страсти, способности; поэтому прошедшее учить насъ настоящему и позволяетъ намъ предвидѣть будущее (*Discorsi*, I, 39).

Римъ является высшимъ образцомъ и идеаломъ, какъ та республика, которая выказала наибольшую жизнеспособность и достигла наиболѣе величественныхъ успѣховъ. Республики древности, и прежде всего Римъ, представляютъ поэтому съ точки зрѣнія Маккиавелли схему нормального развитія государствъ. Онъ постоянно заставляеть ихъ исходить изъ основанія или переустройства города, какъ изъ прочной точки опоры; согласно съ античнымъ понятіемъ, онъ изображаетъ постоянный переходъ отъ одной формы правленія къ другой и, какъ средство избѣжать этой измѣнчивости, смѣшанное управление, въ которомъ въ одно и то же время участвуютъ извѣстный родъ королевской власти, оптиматы и народъ. Основаніе государства представляетъ изъ себя, сообразно съ его точкой зрѣнія, дѣло совершенно личнаго характера; согласно съ мнѣніемъ Эпохи Возрожденія, онъ сводитъ все, что только имѣетъ важность, къ индивидуальной энергіи, силѣ ума. Законодатель дѣлаетъ изъ людей все, что онъ хочетъ; успѣхъ зависитъ отъ его мудрости и отъ его счастья; онъ долженъ познать природу условій и природу людей: касательно этой послѣдней Маккиавелли держится пессимистическаго взгляда. Люди, говоритъ онъ (I, 3), не дѣлаютъ никогда ничего добраго, не будучи къ этому вынуждены; голодъ и бѣдность дѣлаютъ ихъ трудолюбивыми и законы дѣлаютъ ихъ добрыми.

Но состоянія абсолютнаго совершенства достичь нельзя; гдѣ есть выгода, туда всегда прокрадется и вредъ, и необходимо взвѣшивать то и другое. Вѣчныхъ учрежденій нѣтъ. Все человѣческое развивается въ извѣстномъ кругѣ; государства возрастаютъ и слабѣютъ, идутъ отъ величія къ упадку и отъ упадка къ новому преуспѣянію. Добродѣтель доставляетъ гражданамъ покой и благосостояніе; эти послѣдніе элементы вырождаются въ изнѣженность и порчу, пока добродѣтель не воссоздастъ опять изъ беспорядка новый порядокъ (*Disc.*, I, II, *Introd.*; *Asino d'oro*, V; *Stor. Fior.* V, 1). Такимъ образомъ Италія и Греція послѣ древняго величія приходятъ къ глубокому упадку и наоборотъ онъ видитъ возрастающую силу германскихъ народовъ. Но если нельзя остановить этого вырожденія, можно во всякомъ случаѣ задерживать его, постоянно приближая государство снова къ ихъ основнымъ принципамъ, ибо эти принципы здоровы и мощны. Это—очищеніе, совершающееся или посредствомъ внѣшнихъ несчастій или посредствомъ значительныхъ примѣровъ внутри государства; этимъ путемъ люди

опять приводятся къ простотѣ нравовъ и къ религіозности. Согласно съ Макіавелли такое возрождающее событіе должно было бы совершаться по крайней мѣрѣ разъ въ каждое десятилѣтіе (III, 1).

Также какъ у древнихъ, государство является для человѣка вышшимъ, что только есть, оно стоитъ выше всѣхъ другихъ интересовъ жизни и общества, потому что безъ него нѣтъ вообще существованія дѣйствительно человѣческаго и организованнаго, нѣтъ цивилизаціи. Идеальное ограниченіе, которое въ средніе вѣка опредѣлялось вѣрой, исчезло, и о правахъ и притязаніяхъ индивидуума, какъ ихъ понимаетъ современность, не было еще рѣчи. Государство располагаетъ подданнымъ безъ всякихъ стѣсненій, сообразуясь только съ требованіями общественнаго благосостоянія. Макіавелли высоко цѣнитъ религію, но въ границахъ государства, а не выше его, она является у него ничѣмъ инымъ, какъ чисто политическимъ средствомъ, съ помощью котораго можно руководить людьми необразованными. Въ этомъ смыслѣ онъ считаетъ ее необходимой и полагаетъ, что Нума сдѣлалъ для Рима болѣе, чѣмъ Ромулъ, давши обществу эту прочную опору, и наоборотъ обвиняетъ римскую курію въ томъ, что она своей испорченностью уничтожила въ Италіи набожность и послужила причиной злоупотребленія страны (I, 11). Онъ не подвергаетъ обсужденію вопросъ объ истинности какой-нибудь религіи, а только справедливость объ ея полезности, поэтому онъ не подвергаетъ неодобренію даже суевѣріе и показываетъ, какъ мудрые поощряютъ ложныя чудеса, ибо эти послѣднія дѣйствуютъ на умъ массы; именно отъ суевѣрія не былъ свободенъ и онъ самъ, какъ и его эпоха (I, 56). Въ политическомъ отношеніи онъ находитъ языческую религію болѣе полезной, чѣмъ религія христіанская; первая прославляла героизмъ, вторая—добродѣтель смиренія; христіанство заставляетъ человѣка думать о загробномъ мірѣ и пренебрегать міромъ земнымъ, благодаря чему ослабляется любовь къ свободѣ, ослабѣваетъ дѣятельная энергія. Поставляя въ очевидность этотъ контрастъ, онъ не можетъ однако избѣжать нѣкотораго сомнѣнія и прибавляетъ, что разумѣетъ лишь ложное истолкованіе христіанской вѣры, говоритъ, что эта послѣдняя допускаетъ любовь къ отечеству и требуетъ ея (II, 2). Молитвы и церемоніи, говорилъ онъ потомъ въ своемъ *Asino d'oro* (cap. 5), необходимы, потому что въ результатъ получается единеніе и добрый порядокъ. Религія является для него средствомъ обуздывать страсти, связывать людей даннымъ словомъ; ея значеніе, такимъ образомъ, концентрируется въ присягѣ, которая заставляетъ гражданина исполнять свой долгъ. Это—все; объ удовлетвореніи внутренней, болѣе интимной потребности—ни одного слова. Равнымъ образомъ онъ осуждаетъ ту надежду на Бога, которая приводитъ къ бездѣйствію.

Государственный интересъ не находитъ границъ и въ морали.

Макіавелли рѣзко отдѣляетъ политическое соображеніе отъ моральнаго, между тѣмъ какъ до него и послѣ него ихъ обыкновенно связывали вмѣстѣ; это навлекло на него безславіе и создало понятіе макіавеллизма. Онъ именно не признаетъ никакой морали, какъ и никакой религіи выше государства, но только въ немъ; люди по натурѣ своей дурны, законы дѣлаютъ ихъ добрыми. Слѣдствіемъ должно было бы являться разсмотрѣніе самаго государства, какъ единаго источника морали, что дѣлали Гоббсъ и Спиноза; Макіавелли не говоритъ этого открыто, потому что вообще онъ не задается намѣреніемъ философствовать, а хочетъ давать практическія поученія; но сохраненіе государства, дѣятельность на пользу его преуспѣянія, по его мнѣнію гораздо выше всѣхъ другихъ обязанностей, и средства для достиженія этого должны быть выбираемы безъ всякихъ стѣсненій. Ромулъ убилъ брата и допустилъ смерть Тита Тація, мы не должны его за это осуждать, потому что сдѣлалъ онъ это съ добрымъ намѣреніемъ послужить на пользу блага, и, если самый фактъ его обвиняетъ, успѣхъ его оправдываетъ (I, 9). Обманъ необходимъ для государства, чтобы достичь отъ ничтожнаго начала до могущества, и этотъ обманъ «тѣмъ менѣе достоинъ осужденія, чѣмъ болѣе онъ скрытъ, какъ это было у римлянъ (съ латинянами)» (II, 13). Въ *Principe* спрашивается (18), можетъ ли государь нарушать свое слово, и слѣдуетъ отвѣтъ, что честность владыки очень похвальна; «но тѣмъ не менѣе по опыту мы видимъ, что въ наши времена совершили много великаго тѣ владыки, которые придавали малую цѣну вѣрности обѣщаніямъ». Испытанный успѣхъ является такимъ образомъ опроверженіемъ моральнаго приговора; вопросъ не въ томъ, что хорошо и что дурно, а въ томъ, что полезно и что вредно. Не то чтобы законы морали были безразличны, — они все же вѣдъ управляютъ совѣстью людей, и она приспосаблиется къ нимъ, пока можетъ, — но въ моментъ опасности всякая нерѣшительность въ этомъ смыслѣ должна исчезнуть. (III, 41).

Поступки людей свободны отъ руководства Провидѣнія, но они однако зависимы отъ силъ внѣшнихъ, опредѣляющихъ тотъ или иной ихъ исходъ. Эти условія, благопріятствующія нашей дѣятельности или возмущающія ее, являются соединенными въ идеѣ Фортуны. Вошло въ привычку придавать этой идеѣ конкретную жизнь, олицетворять ее; для человѣка Возрожденія она является истиннымъ божествомъ, которое управляетъ міромъ и въ этомъ смыслѣ мы ее уже находимъ вездѣ въ сочиненіяхъ Боккаччіо. Въ *Discorsi* она также является почти какъ индивидуальное существо (II, 29); она оставляетъ тѣхъ, кого она хочетъ низложить, выбираетъ пригоднаго человѣка, когда готовится что-нибудь великое. Такимъ образомъ Макіавелли изображаетъ эту всемірно-господствующую силу и въ своемъ *Capitolo di Fortuna*. Однако онъ не даетъ ей такого большого

простора, какъ другіе; во многомъ, что называли дѣломъ судьбы, онъ просто признаетъ людскую слабость и глупость и въ Principe (Сар. 25) сравниваетъ Фортуна съ разлившейся рѣкой, которая все уничтожаетъ и наводняетъ, но противъ которой можно защищаться во время выстроенными плотинами.

Устроитель государства долженъ быть одинъ, потому что различіе мнѣній нарушило бы дѣло; онъ долженъ имѣть въ своихъ рукахъ абсолютную власть, но не долженъ передавать ее въ наслѣдство своему преемнику, такъ какъ для того, чтобы сохранять порядокъ, необходимы многіе (I, 9). Макіавелли допускаетъ абсолютизмъ, какъ преходящую форму правленія, не какъ форму прочную; онъ всегда признаетъ необходимымъ въ государствахъ хорошо организованныхъ ограниченіе королевской воли посредствомъ совѣтовъ (*Arte della guerra*, I, p. 12); но его истиннымъ идеаломъ была республика. Онъ былъ гражданиномъ и чиновникомъ свободнаго государства, онъ любилъ форму управленія, дурной успѣхъ которой объяснялъ виѣшними обстоятельствами и индивидуальными ошибками, онъ относился съ самымъ горячимъ энтузіазмомъ къ античному Риму. Владыки, говоритъ онъ, болѣе способны создавать законы и учрежденія, народъ—сохранять ихъ; толпа болѣе умна и болѣе постоянна, чѣмъ одинъ владыка; народъ, живущій согласно съ законами, лучше нежели владыка въ томъ же положеніи, и безъ законовъ менѣе плохъ; часто говорятъ противоположное, но это происходитъ оттого, что о народѣ можно говорить свободно, о владыкѣ нельзя. Поговорка *Vox populi, vox Dei* не представляется несправедливой, ибо общее мнѣніе часто руководится хорошимъ инстинктомъ, и тамъ, гдѣ господствуетъ ослѣпленіе, гораздо легче обратить на путь истины народъ, нежели владыку. Онъ утверждаетъ, что народъ менѣе неблагодаренъ, потому что у него меньше мотивовъ быть подозрительнымъ (I, 30); отсюда, въ своемъ ревностномъ отношеніи къ свободнымъ учрежденіямъ, Макіавелли противорѣчитъ своему собственному прежнему сужденію въ *Capitolo dell'ingratitude*. Свободные города—болѣе сильны и болѣе богаты, такъ какъ въ нихъ вся дѣятельность направлена на общее благо (II, 2), они болѣе жизнеспособны, такъ какъ въ нихъ управленіе дѣлами можетъ мѣняться между гражданами держащимися разныхъ мнѣній, между тѣмъ какъ владыка погибаетъ, когда его природа болѣе не соотвѣтствуетъ измѣнившимся временамъ (III, 9).

Однако не вездѣ есть пригодная почва для республики; свободное государственное устройство не можетъ существовать безъ честности и безъ извѣстнаго равенства въ народонаселеніи. То и другое онъ видитъ въ Германіи, гдѣ было много свободныхъ государствъ. Наоборотъ Италія полна испорченности, и врядъ ли меньше порчи во Франціи и въ Испаніи, только въ этихъ странахъ послѣдствія не такъ очевидны, ибо монархія поддерживаетъ единство. Въ особен-

ности въ Тосканѣ представляется ему легкимъ основаніе республики, благодаря тому, что между гражданами господствуетъ равенство (I, 55), тѣмъ не менѣе другое препятствіе, именно порча, существуетъ и здѣсь, а изъ любви къ свободѣ и къ своему городу онъ иногда устраняетъ ее съ нѣкоторой непоследовательностью. Гдѣ вещество испорчено, говоритъ онъ (I, 17), «законы, хорошо организованные ни къ чему не служатъ, если только они не исходятъ отъ одного, кто вѣншей силой заставилъ бы ихъ соблюдать, пока вещество не сдѣлается добрымъ». Благодаря этому, чтобы основать здѣсь республику или быть въ состояніи ее сохранить, нужны средства экстраординарныя, прежде всего нужно, чтобы въ городѣ укрѣпился князь, который располагалъ бы имъ по своему желанію; но рѣдко случается, чтобы хорошій человѣкъ пожелалъ сдѣлаться княземъ съ помощью дурныхъ средствъ или чтобы дурной, сдѣлавшись владыкой, поступалъ хорошо (I, 18).

Маккиавелли съ самымъ живымъ негодованіемъ осуждаетъ тирана, разрушающаго свободу народа; Цезаремъ онъ болѣе гнушается, тѣмъ Катилиной, потому что онъ сдѣлалъ то, что этотъ послѣдній только хотѣлъ сдѣлать, и тѣ, кто судить о немъ иначе, ослѣплены его счастьемъ (I, 10). Но наряду съ сильнымъ убѣжденіемъ въ правѣ того, что является наилучшимъ само по себѣ, въ Маккиавелли пробужденъ еще интересъ научный, который стремится рассмотреть отдѣльныя политическія мѣры въ соотвѣтствіи съ ихъ предопредѣленной цѣлью, будетъ ли эта цѣль достойна одобренія или недостойна. Здѣсь онъ разсуждаетъ вполне хладнокровно и объективно, такъ какъ дѣло идетъ не о моральной истинѣ, а о научной. Потому онъ разсматриваетъ проблемы съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Онъ показываетъ на исторіи децемвировъ (I, 40 sg.), какъ Римляне совершили большую ошибку, создавъ магистратъ съ неограниченной властью и какъ съ другой стороны Аппій Клавдій поступалъ не надлежащимъ образомъ, стремясь утвердить тираннію и какъ вмѣсто этого слѣдовало поступить: «Его хитрость, его умѣнье обмануть народъ, выказывая себя народнымъ другомъ была хорошо примѣнена; хорошо также были примѣнены мѣры, которыя онъ принялъ для того, чтобы децемвиры опять были выбраны; хороша также была эта смѣлость, съ которой онъ выбралъ самого себя противъ воли патриціевъ; хорошо было и то, что онъ выбиралъ коллегъ согласно съ своей цѣлью; но нехорошо было то, что онъ такъ внезапно сбросилъ свою маску; ибо кто нѣкоторое время казался добрымъ и имѣетъ намѣреніе сдѣлаться ради своихъ цѣлей дурнымъ, долженъ для этого примѣнить надлежащія средства». Ту же самую объективную манеру разсужденія видимъ мы въ обширномъ изысканіи относительно заговоровъ (III, 6). Онъ показываетъ князю, какъ онъ можетъ предохранить себя отъ этой опасности, и въ удивительномъ изложеніи онъ

шагъ за шагомъ слѣдуетъ за развитіемъ предпріятія, показываетъ заговорщикамъ, какія препятствія представляются имъ и какъ они могутъ нѣкоторыя изъ нихъ преобороть мудростью, и при этомъ не исключаетъ возможности заговора противъ отечества съ цѣлью пріобрѣтенія тиранніи.

Политикъ оцѣниваетъ силу и послѣдовательность поведенія вездѣ, гдѣ онъ ихъ находитъ, даже тогда, когда онъ не одобряетъ самую цѣль, и осуждаетъ половинныя мѣры и слабость даже при условіи самаго лучшаго намѣренія. Чезаре Борджія, преступленія котораго онъ видитъ собственными глазами, онъ восхвалялъ какъ владыку, осуждалъ Піера Содерини и осмѣивалъ его въ одной эпитафіи, потому что онъ былъ хорошій человѣкъ и въ этомъ смыслѣ онъ его любилъ и уважалъ, но плохой привитель, составившій несчастіе своего родного города. Основатель тиранніи, говоритъ Маккіавелли (I, 26), долженъ ниспровергнуть все существующее съ неумолимой твердостью, поведеніе, котораго долженъ каждый поэтому бѣжать, предпочитая жить частнымъ человѣкомъ; но кто вступаетъ на первый путь, не долженъ останавливаться предъ зломъ. «Но люди выбираютъ обыкновенно извѣстные срединные пути, которые въ высшей степени вредны — они не умѣютъ быть ни всецѣло добрыми, ни всецѣло дурными»... «и какъ извѣстный порокъ имѣетъ въ себѣ величіе или какъ онъ въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть великодушень, они не могутъ этого понять (I, 27)».

Государство должно быть сильнымъ, какъ извнѣ, такъ и изнутри; республики также не могутъ существовать безъ стремленія къ расширенію; если они не нападаютъ, нападаютъ на нихъ, и если случайно врагъ отсутствуетъ внѣ, онъ возникаетъ внутри. Нѣмецкіе города могутъ ограничиться только защитой, потому что они находятся въ условіяхъ исключительныхъ, у нихъ императоръ образуетъ, хотя и безъ собственной силы, элементъ примиренія. Но онъ зорко наблюдаетъ, какъ завоеванія, заключающіяся въ простомъ подчиненіи (Аѣины, Спарта, Венеція, Флоренція) просто вредны и скорѣе являются источникомъ слабости, нежели силы; онъ рекомендуетъ примѣръ Римлянъ или примѣръ Этрусковъ и Швейцарцевъ, т. е. конфедерацію или союзъ городовъ (II, 19).

Основаніемъ государства являются хорошіе законы и хорошее вооруженіе; но гдѣ есть хорошее вооруженіе, тамъ должны быть также хорошіе законы (Principe, 12). Наемныя или вспомогательныя труппы имѣютъ мало значенія; войско сражается хорошо лишь тогда, когда оно бьется за собственные интересы, слѣдственно оно должно образоваться изъ подданныхъ; также войско можетъ создаваться вездѣ, гдѣ есть люди и если оно не существуетъ, это вина правителей, а не вина положенія или природы страны (I, 21). По мнѣнію Маккіавелли основнымъ ядромъ войска должна являться инфантерія, какъ

это было у Римлянъ, какъ это въ то время было у Швейцарцевъ, у Нѣмцевъ и Испанцевъ. Онъ оцѣнилъ важную перемѣну, которая должна была совершиться въ военномъ искусствѣ; рыцари, которые были вооружены копьями и тяжелыми панцырями и противъ которыхъ сражались кондотьеры, теряли свое значеніе. Онъ оплакивалъ также, что былъ оставленъ римскій военный распорядокъ съ его тремя боевыми отрядами, которые вливались одинъ въ другой и замѣняли другъ друга (II, 16).

Таковы въ главныхъ чертахъ предметы и мысли, о которыхъ идетъ рѣчь въ *Discorsi* и которые въ своихъ деталяхъ развиваются съ не побѣдимой ясностью и поразительной силой логики. Стиль свободенъ отъ обычной литературной помпы, онъ простъ, дѣловитъ, точенъ и, несмотря на свою краткость, всетаки живъ, благодаря конкретной пластичности выраженія. Для Маккиавелли слово является непосредственной формой мысли; онъ хочетъ производить впечатлѣніе не фразами, а самыми вещами, и такимъ образомъ дѣлается величайшимъ итальянскимъ прозаикомъ. Относительно своего *Principe* онъ говоритъ въ посвященіи, что онъ не стремился, какъ многіе другіе, къ внѣшнимъ прикрасамъ, чтобы сдѣлать свое произведеніе привлекательнымъ: «ибо я хотѣлъ, чтобы или ничто ему не послужило для чести или только истинность содержанія и важность сюжета снискали бы ему одобреніе».

Principe и *Discorsi*, какъ написаны въ одно и то же время, такъ равнымъ образомъ они проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ и взаимно дополняютъ другъ друга. *Discorsi* разсматриваютъ предметъ болѣе обширный; изъ нихъ, какъ замѣтилъ Виллари ¹⁾, можно было бы извлечь существенную часть *Principe*; но во всякомъ случаѣ они преимущественно говорятъ о республикѣ, между тѣмъ какъ въ *Principe* разсматривается принципатъ. Здѣсь авторъ также основываетъ свои доктрины на историческихъ примѣрахъ, но преимущественно онъ пользуется примѣрами изъ современной исторіи, богатой новыми принципатами, между тѣмъ какъ древность предлагала наблюдателю наиболѣе великіе образцы свободного государства. Болѣе тѣсныя рамки сюжета придаютъ сочиненію большее единство и болѣе строгое органическое построеніе.

Республика была для Маккиавелли формой, способной утвердить государство; наоборотъ основаніе государства посреди анархіи, объединеніе разрозненнаго народонаселенія требуетъ князя, который бы имѣлъ въ своихъ рукахъ абсолютную власть, примѣры чего мы видимъ въ Ромулѣ, Моисеѣ, Кирѣ, Тезеѣ. Именно это созданіе всецѣло новой власти образуетъ здѣсь истинную проблему его мысли; о княжествахъ наслѣдственныхъ онъ говоритъ совершенно бѣглымъ

¹⁾ Machiavelli e i suoi tempi, II, 269.

образомъ, о способѣ достиженія новыхъ владѣній уже принадлежавшихъ онъ говоритъ нѣсколько подробнѣе въ началѣ.

Частный человѣкъ достигаетъ княжеской власти благодаря случаю, благодаря счастью и съ чужой помощью или благодаря собственной добродѣтели (*virtù*). Въ первомъ случаѣ на дорогѣ, ведущей къ власти, не встрѣчается никакого затрудненія, ибо «оно само дается въ руки»; но тѣмъ большія затрудненія эти властители встрѣчаютъ потомъ, когда они должны создать базисъ, на который могли бы прочно опереться. Франческо Сфорца приобрѣлъ власть съ помощью долгихъ усилій и удерживалъ ее легко; Чезаре Борджія наоборотъ приобрѣлъ ее съ легкостью и утратилъ, несмотря ни на какія усилія, несмотря ни на какую ловкость, съ помощью которыхъ старался потомъ удержать за собою господство. Разматривая Чезаре Борджія, авторъ останавливается и изслѣдуетъ въ деталяхъ его способъ дѣйствія, ибо въ немъ онъ находитъ типъ, образецъ новаго владыки. Если его усилія имѣли дурной исходъ, въ томъ была не его вина, а вина необыкновенной превратности счастья. «Итакъ, если разсмотрѣть въ цѣломъ всѣ эти дѣянія Герцога, говоритъ Маккиавелли, перечисливъ принятые имъ мѣры (сар. 7), я не могу его осуждать, напротивъ, мнѣ кажется, я долженъ сдѣлать то, что сдѣлалъ, именно предложить его въ качествѣ примѣра для подражанія всѣмъ тѣмъ, кто съ помощью счастья или съ помощью оружія другихъ достигъ господства. Ибо онъ, имѣя великую душу и преслѣдуя высокое стремленіе, не могъ поступить иначе». И такимъ образомъ онъ упоминаетъ о немъ, какъ о примѣрѣ достойномъ похвалы тамъ, гдѣ говорится о необходимости имѣть собственное вооруженіе (сар. 13) и еще разъ тамъ, гдѣ говорится о жестокости, хорошо приведенной въ исполненіе (сар. 17). Равнымъ образомъ въ одномъ письмѣ къ Франческо Веттори отъ 31-го января 1515 года онъ съ большою похвалою вспоминаетъ объ одной мѣрѣ, принятой герцогомъ, «дѣяніямъ котораго я бы всегда подражалъ, если бы я былъ новымъ княземъ». Если это прославленіе Чезаре Борджія возбудило столько негодованія, это происходитъ именно потому, что моральное сужденіе здѣсь совершенно отсутствуетъ. Маккиавелли говоритъ не о человѣкѣ, онъ обсуждаетъ здѣсь достоинства и успѣхъ политики герцога. Писатель современный вставилъ бы по крайней мѣрѣ хотя какое-нибудь бѣглое замѣчаніе, которое предостерегло бы отъ дурного пониманія.

Маккиавелли далѣе рассматриваетъ приобрѣтеніе княжеской власти посредствомъ преступленія, возвышеніе къ ней черезъ посредство партіи какой-нибудь республики, и приходитъ къ разсмотрѣнію духовныхъ принциповъ, относительно которыхъ дѣлаетъ ироническое замѣчаніе, что они управляются силами свыше. Затѣмъ онъ рекомендуетъ князю необходимость озаботиться относительно войска; военное искусство должно быть его постояннымъ помысломъ, его

истиннымъ призваніемъ. Онъ ставитъ вопросъ, какими качествами характера долженъ обладать князь или какія качества онъ долженъ выставить на показъ. Многіе изъ писателей создавали абстрактные типы образцоваго князя, украшая ихъ всякими добродѣтелями; Маккиавели видить, что это—фантазін; съ его точки зрѣнія дѣло идетъ не о морали, а о политикѣ; онъ хочетъ изобразить истину, а не нарисовать образы вещей, которыхъ никто никогда не видить. Конечно было бы хорошо, еслибы какой-нибудь владыка обладалъ всѣми совершенствами, но такъ какъ условія человѣческой жизни этого не допускаютъ, «для него необходимо быть настолько благоразумнымъ, чтобы избѣгать тѣхъ пороковъ, которые отняли бы у него власть, и остерегаться, если можно, также и тѣхъ, которые не имѣли бы возможности отнять у него эту власть; но, не будучи въ состояніи поступить иначе, онъ долженъ съ меньшимъ колебаніемъ идти прямо по этому пути. И еще онъ не долженъ бояться впасть въ безславіе тѣхъ пороковъ, безъ которыхъ онъ съ трудомъ можетъ сохранить господство» (15). Здѣсь онъ разсматриваетъ отдѣльные детали, съ помощью которыхъ моралисты создали свой идеалъ добродѣтели, и съ неумолимой логичностью разрушаетъ его по частямъ, сопоставляя эту абстракцію съ требованіями реальной дѣйствительности.

Ученые писатели постоянно восхваляли ради своей выгоды щедрость князя; Маккиавелли съ чистосердечіемъ человѣка государственнаго рекомендуетъ экономію; онъ заставляетъ задуматься относительно того, какъ эта столь прославленная добродѣтель, сопровождаемая бѣглымъ блескомъ, приводитъ къ утѣсненію подданныхъ и къ недостатку въ необходимомъ; поэтому князь не долженъ бояться репутаціи скупца, ибо по послѣдствіямъ въ немъ оцѣнять истинную щедрость. Кротость прекрасна; но князь не долженъ страшиться возможности прослыть жестокимъ, когда жестокость необходима для того, чтобы сохранить среди подданныхъ единство и вѣрность. Кротость часто дѣлается въ своихъ послѣдствіяхъ гораздо болѣе жестокой, ибо она позволяетъ злу возрасти и создаетъ анархію. Болѣе того, если князь долженъ выбирать между любовью и страхомъ, пусть онъ предпочитаетъ послѣднее, ибо это чувство связываетъ подданныхъ прочнѣе; пусть только онъ опасается возможности сдѣлаться ненавидимымъ. Честность и вѣрность своему слову превосходны; но изъ опыта можно видѣть, какъ часто достигались великіе успѣхи владыками, которые мало заботились объ этихъ добродѣтеляхъ. Есть два способа вести борьбу, одинъ свойственный людямъ, съ помощью законовъ, другой свойственный животнымъ, съ помощью силы. Первый способъ однако же не всегда достаточенъ; поэтому князь долженъ «умѣть хорошо пользоваться животнымъ и человѣкомъ» и въ качествѣ животного онъ долженъ быть одновременно лисицей и львомъ. «Поэтому владыка разумный не можетъ и не долженъ соблюдать обѣщаніе, если соблю-

деніе его обращается противъ него и если исчезли мотивы, заставляшіе его дѣлать это общаніе». Еслибы люди были добрыми, это было бы дурнымъ предписаніемъ; но они порочны, и мы должны обращаться съ ними не иначе, чѣмъ они обращаются съ нами. Главное, нужно соблюдать условія внѣшнія: нужно умѣть обманывать и притворяться. Въ этомъ искусствѣ былъ мастеромъ Александръ VI. Всѣ тѣ добродѣтели, которые восхваляются въ князѣ, онъ можетъ и не имѣть въ дѣйствительности; «но безусловно необходимо, чтобы онъ казался имѣющимъ ихъ. Я даже осмѣливаюсь сказать, что если онъ имѣетъ ихъ и соблюдаетъ всегда, онъ вредны, а если онъ выказываетъ себя имѣющимъ ихъ, онъ полезен; потому что, если кажешься сострадательнымъ, вѣрнымъ, человѣчнымъ, религіознымъ, честнымъ, тогда и являешься именно этимъ, но являешься разумнымъ образомъ, и если необходимость требуетъ не быть таковымъ, то можешь и сумѣешь измѣниться въ противоположномъ смыслѣ». — Здѣсь насъ не должна вводиться въ заблужденіе парадоксальная форма, мы не должны преувеличивать мысль автора; онъ не говоритъ, что *казаться* лучше чѣмъ *быть*; онъ говоритъ только, что постоянное точное соблюденіе этихъ добродѣтелей дѣлается вреднымъ; нужно умѣть иногда оставлять ихъ въ сторонѣ, умѣть преступать всякія удерживающія соображенія, разъ этого требуетъ государственный интересъ и въ то же время сохранять видимость морали, потому что эта послѣдняя коренится въ сознаніи людей.

Тамъ, гдѣ нѣтъ никакого суда, къ которому можно апеллировать, какъ въ поступкахъ князя, нужно постоянно смотрѣть на конечный результатъ: «итакъ пусть князь думаетъ о томъ, чтобы жить и утверждать господство; средства всегда будутъ считаться достойными и каждый будетъ ихъ хвалить, потому что чернь постоянно смотритъ только на внѣшнее и на успѣхъ, а въ мірѣ никого нѣтъ, кромѣ черни».

Эта восемнадцатая глава *Principe* написана съ холодностью и съ рѣзкостью, которыя оскорбляютъ читателя, привыкшаго къ лицемерію. Здѣсь передъ нами основное зерно тѣхъ правилъ, которыя потомъ означались наименованіемъ маккіавеллизма: владыка долженъ нарушать слово, разъ исполненіе его приноситъ ему вредъ, и нарушая его, онъ долженъ соблюдать внѣшній видъ вѣрности данному общанію; владыка долженъ пользоваться добродѣтелями, какъ полезной маской, даже тогда, когда онъ дѣйствуетъ противъ нихъ; успѣхъ рѣшаетъ, какого сорта могутъ быть средства. Эти принципы постоянно примѣнялись въ политикѣ и въ особенности ярко выступаютъ они въ политикѣ XV вѣка. Маккіавелли только перенесъ ихъ изъ дѣйствительности въ теорію; въ нихъ не было ничего новаго и въ свое время они никого не шокировали, никого не удивляли; онъ только

высказывалъ громко то, что другіе думали и тихонько шептали ¹⁾. Первые десятилѣтія XVI вѣка были именно эпохой откровенныхъ сужденій, когда все формулировалось съ грубой свободой, безъ всякихъ отношеній; подобно тому какъ открыто могли выступать непристойная шутка и язвительная сатира, такъ точно выступали и научныя положенія. Немного спустя пришли другія времена, когда снова начали говорить съ большимъ благоразуміемъ, съ болѣею осторожностью, и тогда на сочиненія Макіавелли взглянули иначе, въ немъ увидали учителя безнравственности, на него послѣдовали безчисленныя нападки, за которыми послѣдовали безчисленныя попытки защиты, нерѣдко лишь портившія дѣло и еще болѣе извращавшія пониманіе, пока, наконецъ, ему не отдана была справедливость въ самое послѣднее время.

И дѣйствительно то, что не позволяло ему останавливаться передъ этими страшными принципами, это—любовь къ истинѣ и строгая научность его метода. Онъ самъ любилъ свободу; онъ съ жаромъ хвалилъ добро и съ отвращеніемъ порицалъ зло, но онъ съ интересомъ изучалъ и это послѣднее, какъ явленіе, связанное съ его сюжетомъ. Вездѣ, гдѣ онъ видитъ поступки, направленные прямо на успѣхъ, онъ одобряетъ ихъ даже тогда, когда не считаетъ цѣль справедливой, и вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о государственномъ благѣ, онъ осуждаетъ всякія колебанія. Въ тѣ времена, когда общественныя чувства спали, въ эпоху политическаго безсилія Италіи, онъ прославлялъ величіе государства, разоблачалъ ошибки и погрѣшности, приводившія къ гибели, проповѣдывалъ любовь къ отечеству, необходимость поступаться частными интересами, исполненіе обязанностей гражданина, и самъ давалъ въ этомъ отношеніи добрый примѣръ: «люблю мое отечество больше, чѣмъ душу», писалъ онъ къ Франческо Веттори 16 апрѣля 1527 года.

Знаменитая заключительная глава *Principe* увѣщаетъ младшаго Лоренцо де'Медичи освободить Италію отъ варваровъ. Здѣсь исчезаетъ холодное объективное разсужденіе и на его мѣсто появляется патриотизмъ съ его пылкимъ краснорѣчіемъ. Идея національнаго единства и національной свободы воспламеняетъ писателя-политика; его языкъ мѣняется, дѣлается увлекательнымъ, настойчивымъ, пріобрѣтаетъ лирическій полетъ. На сцену выступаютъ мотивы моральные и религіозные; произносится и часто повторяется имя Бога, такъ рѣдко встрѣчающееся въ другихъ частяхъ книги; авторъ употребляетъ также библейскія выраженія, какъ это дѣлалъ Данте въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ. Италія ожидаетъ своего спасителя, и домъ фамиліи Медичи, возвысившись теперь до такой власти, что держитъ въ своихъ рукахъ и бразды церковнаго управленія, предназначенъ для

¹⁾ Смотри Guicciardini, *Del reggimento di Firenze*, въ концѣ.

такой цѣли. Богъ и справедливость стоятъ на его сторонѣ, и кто изъ итальянцевъ откажетъ въ повиновеніи, когда взовется знамя освобожденія? *A ognuno puzza questo barbaro dominio!*

Это не пустыя фразы, такъ часто говорившіяся въ прославление того или другого князя, это—искренняя печаль и пламенное желаніе патріота. Конечно въ осуществленіе своихъ желаній, при условіяхъ тогдашняго времени, и онъ могъ вѣрить только въ моменты мимолетной экзальтаціи, а не тогда, когда онъ размышлялъ хладнокровно. Мы видѣли, что онъ говорилъ совершенно иначе въ письмахъ къ Веттори, гдѣ даже считалъ необходимымъ занятіе Ломбардіи Франціею. Къ тому же и въ немъ не было недостатка въ противорѣчій, которое, несмотря на сознаніе единства, обыкновенно господствуетъ въ отдѣльных членахъ разрозненной націи. Патріотизмъ болѣе узкій, забота объ интересахъ Флоренціи, вступали въ борьбу съ любовью къ болѣе обширному отечеству; когда дѣло идетъ о призваніи чужеземной помощи противъ грозящаго владычества Венеціи или для пороченія несчастной Пизы, тогда онъ думаетъ не объ Италіи, а объ своемъ городѣ. Мы даже видимъ, что въ своемъ *Dialogo sulla lingua* онъ ревностно борется въ пользу того, чтобы литературный языкъ былъ названъ флорентинскимъ, вопреки тѣмъ *inonestissimi*, которые называли его итальянскимъ.

Маккіавелли хотѣлъ посвятить свою книгу *Principe* Джіуліано де' Медичи; но онъ долго колебался, а въ 1516 году Джіуліано умеръ, и онъ посвятилъ ее Лоренцо, сыну Піеро, котораго папа Левъ назначилъ регентомъ Флоренціи и герцогомъ д'Урбино. Но посвященіе не принесло ему никакой пользы: онъ оставался въ сторонѣ, подъ бременемъ бѣдности, и положеніе его было нестерпимо. Отчаявшись, онъ жалуется на свое положеніе въ одномъ письмѣ къ Веттори отъ 10 іюня 1514 года. Но это не мѣшаетъ данной перепискѣ заниматься вещами фривольными и непристойными; Веттори рассказываетъ о своихъ развлеченіяхъ, Маккіавелли расточаетъ свое одобреніе и поступаетъ совершенно такъ же, и оба высказываютъ относительно любви принципы, вполнѣ приличествующіе даже какому-нибудь Піетро Аретино. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ потрясающихъ жалобъ на свое стѣсненное положеніе (3 августа 1514 г.) Маккіавелли пишетъ о пылкой страсти, которая охватила его здѣсь въ деревнѣ, изображаетъ ее съ самымъ живымъ энтузіазмомъ, и отдается ей безъ всякаго удержу, несмотря на свои 45 лѣтъ, забываетъ всѣ свои скорби, всѣ серьезные помыслы и занятія. Двойственность натуры, которую онъ отмѣтилъ въ Лоренцо де' Медичи, сказывалась въ столькихъ представителяхъ Эпохи Возрожденія, она сказывалась и въ немъ самомъ. Серьезность и юморъ, чувство достоинства и фривольность перемежаются другъ съ другомъ; чувственность можетъ охватывать его всецѣло въ извѣстный моментъ, а въ слѣдующую минуту онъ снова

безраздѣльно отдается болѣе высокимъ стремленіямъ. Это не представляется ему достойнымъ осужденія, а кажется достойнымъ похвалы, потому что, по его мнѣнію, это есть ничто иное, какъ попражаніе природѣ, которая разнообразна (письмо отъ 31 января 1515 г.). Такимъ образомъ онъ нарисовалъ самого себя и въ неоконченной аллегорически-сатирической поэмѣ, *L'Asino d'oro*, изобразилъ, какъ послѣ сладострастной сцены любви онъ погружается въ размышленія о судьбахъ государствъ и потомъ снова покоится въ объятіяхъ своей красавицы.

Когда время отъ времени Маккиавелли пріѣзжалъ изъ деревни во Флоренцію, онъ пребывалъ въ садахъ Ручеллаи, *Orti Oricellarii*, гдѣ вокругъ молодого, но немошнаго, благодаря болѣзни, владѣльца дома, Козимо, группировался избранный кругъ, главнымъ образомъ кругъ молодыхъ людей, между ними Заноби Буондельмонти, Луиджи Аламани, Якопо Нарди и Филиппо Нерли, — два послѣдніе позднѣе сдѣлались авторами историческихъ трудовъ. Будучи исполнены горячаго энтузіазма по отношенію къ древности, эти молодые люди внимательно слушали разсужденія Маккиавелли касательно римскаго величія и могущества и относительно установленія славныхъ античныхъ учреждений. Заноби и Козимо онъ посвящалъ свои *Discorsi*, и эти друзья побудили его также написать *Dell'arte della guerra*, діалогъ въ семи книгахъ, мѣсто дѣйствія перенесено здѣсь именно въ эти сады, оно отнесено къ 1516 году и діалоги происходятъ между знаменитымъ полководцемъ Фабриціемъ Колонна, Козимо Ручеллаи и нѣкоторыми другими членами общества. Сочиненіе было окончено лишь послѣ смерти Козимо, вѣроятно въ 1520 году.

Авторъ влагаетъ свои доктрины въ уста мужественному Фабрицію, дѣлая его такимъ образомъ выразителемъ своихъ собственныхъ мнѣній. Мысли объ устроеніи войска, которыя онъ высказывалъ въ *Discorsi* и *Principe* и которыя онъ пытался перенести въ дѣйствительность въ видѣ милиціи своей *ordinanza*, развиты здѣсь въ деталяхъ. Маккиавелли хочетъ вернуть военной службѣ ея моральное достоинство, онъ хочетъ устранить различіе между положеніемъ солдата и положеніемъ гражданина. Военное искусство не должно быть ремесломъ, ибо въ этомъ случаѣ изъ него порождаются всяческія злоупотребленія; кто является солдатомъ по профессіи, тотъ нуждается въ войнѣ, для того чтобы жить и усваивать себѣ всяческіе пороки; но кому же нравственность болѣе необходима, какъ не солдату, который долженъ приносить во имя отечества высшую жертву? Согласно съ примѣромъ римской республики, авторъ требуетъ всеобщей воинской повинности, конечно еще не въ смыслѣ безусловнаго обязательства, но скорѣе въ смыслѣ обязательства моральнаго, проистекающаго изъ почтенія къ синьории, какъ это было при наборѣ, совершавшемся при непосредственномъ наблюденіи Маккиавелли. Граждане сами сражаются за

свое отечество и, послѣ окончанія войны, возвращаются къ своимъ обычнымъ занятіямъ, — какъ солдаты, такъ и вожди; это не постоянное войско, которое, будучи по необходимости обширнымъ, представлялось ему невозможнымъ уже въ виду издержекъ. Основное ядро отрядовъ составляется изъ пѣхоты; кавалерія, малочисленная, играетъ роль аксессуара. Онъ описываетъ затѣмъ наборъ, вооруженіе, упражненія, формировку войскового тѣла, *battaglione*, какъ онъ называетъ его, слѣдуя примѣру Швейцарцевъ; во всемъ этомъ онъ беретъ за образецъ римскія учрежденія, легіонъ, съ извѣстными модификаціями, заимствованными у швейцарской и испанской инфантеріи. Онъ описываетъ битву, походъ, расположеніе войска, такъ, какъ все это представляется его мысли, вплоть до укрѣпленныхъ городовъ. Здѣсь преклоненіе передъ всѣмъ римскимъ увлекаетъ его, конечно, слишкомъ далеко, съ другой стороны онъ не былъ опытнымъ военнымъ человѣкомъ въ смыслѣ практическомъ, какъ ни зорокъ былъ онъ въ схватываніи реальныхъ обстоятельствъ. Прежде всего весьма фатальнымъ оказалось для его системы то, что онъ мало оцѣнилъ значеніе огнестрѣльнаго оружія, равно какъ совершенно утопичнымъ, въ виду постоянного совершенствованія военного искусства, было нежеланіе видѣть офицеровъ по профессіи: времена Цинциннатовъ прошли. Но тѣмъ не менѣе многія изъ его предложеній оригинальны и полезны, они указываютъ на существенныя усовершенствованія въ тогдѣшнемъ способѣ вести войну, и основная мысль была великой и важной: этой мыслью Маккиавелли сталъ значительно выше предразсудковъ своего времени, отмѣтилъ дорогу будущаго и пророчески предвозвѣстилъ ее.

Приблизительно въ то же самое время, когда онъ кончалъ *Arte della guerra*, онъ написалъ *Vita di Castruccio Castracani*. Это отнюдь не біографія, исторически вѣрная; съ исторической фигурой онъ обходится свободно, такъ же свободно, какъ другіе обходились съ фигурами мифологическими, и мы находимъ здѣсь очень мало свѣдѣній объ истинномъ Каструччіо, тиранѣ Лукки, умершемъ въ 1328 году; факты по большей части вымышлены и перенесены на Каструччіо изъ діодоровскаго жизнеописанія Агаѳокла. Здѣсь Маккиавелли хотѣлъ показать осуществленными въ одной опредѣленной личности свои принципы, политическіе и военные. Каструччіо — новый владыка, какого хотѣлъ авторъ *Principe*, онъ всѣмъ обязанъ собственной энергіи и мудрости, онъ достигаетъ власти хитростью и насиліемъ, обезпечиваетъ ее безпощадной жестокостью, но затѣмъ честно правитъ поданными. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, князь-завоеватель, искусный полководецъ, онъ постоянно самъ находится во главѣ своего войска, всегда является первымъ при перенесеніи опасностей и лишеній, и своей наиболѣе великой побѣдой онъ обязанъ инфантеріи и, кромѣ того, примѣненію одной стратегемы, заимствованной изъ распорядка римскаго

войска. Но успѣхи челоуѣка не зависятъ только отъ его силы, а и отъ счастья; такимъ образомъ это послѣднее овладѣваетъ и даннымъ существованіемъ, ставитъ владыку въ такое положеніе, что дѣлаетъ для него невозможнымъ совершить великія дѣянія и посылаетъ преждевременную смерть раньше достиженія намѣченной цѣли.

Для Маккіавелли, наконецъ, болѣе дружески начала улыбаться благосклонность фамиліи Медичи. Когда послѣ смерти младшаго Лоренцо (4 мая 1519 г.) Левъ X замыслилъ реформировать правленіе города или по крайней мѣрѣ принялъ соотвѣтствующій видъ, онъ обратился также и къ Маккіавелли съ тѣмъ, чтобы тотъ высказалъ свое мнѣніе, и этотъ послѣдній въ своемъ *Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze* рекомендовалъ учрежденіе республики съ уничтоженіемъ бывшихъ раньше въ употребленіи кратковременныхъ должностей, представители которыхъ не могли пріобрѣсти авторитета; синьорія и совѣтъ должны были быть выбираемы пожизненно; однако, пока папа Левъ и кардиналъ Джуліо были въ живыхъ, они должны были сохранять монархическую власть; только послѣ должна была начаться независимость города. На Маккіавелли были также опять возлагаемы обязанности посланника, но въ дѣлѣ удивительномъ для такого политика, какъ онъ: 11-го мая 1521 года онъ отправился въ Карпи, къ главному генералу ордена миноритовъ, чтобы содѣйствовать отдѣленію монаховъ ордена, живущихъ на флорентинской территоріи отъ монаховъ остальной части Тосканы и образовать отъ нихъ отдѣльную провинцію; кромѣ того на него было возложено порученіе отъ цеха представителей шерстяного производства найти проповѣдника на постъ для собора. Онъ не отнесся слишкомъ серьезно къ даннымъ вещамъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней насмѣшникъ вкусно ѣлъ, хорошо спалъ у монаховъ и потѣшался надъ ними въ письмахъ, которыя писалъ къ Франческо Гвиччардини и въ которыхъ комически описывалъ самыя забавныя сцены.

Послѣ смерти Льва X противъ кардинала Джуліо составилъ заговоръ, къ которому вмѣстѣ съ Содерини въ Римѣ примкнули многіе изъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ кругу *Orti Oricellarii*. Они были изобличены, прежде чѣмъ предпріятіе могло осуществиться; Луиджи Аламани и Заноби Буондельмонти бѣжали во Францію; двое другихъ казнены (7 іюня 1522 г.); Общество Садовъ разсѣялось. Если слова Маккіавелли могли содѣйствовать въ этихъ юношахъ желанію свободы, эти послѣдніе во всякомъ случаѣ плохо воспользовались его доктринами относительно заговоровъ, изложенными въ *Discorsi*. Какъ бы то ни было на него не пало никакого подозрѣнія и кардиналъ Джуліо по прежнему выказывалъ къ нему свое благоволеніе. Уже въ ноябрѣ 1520 года реформаторы флорентинскаго обученія получили по побужденію самого кардинала порученіе написать исторію Флоренціи, съ годовымъ жалованіемъ въ сто флориновъ. Со времени перваго Де-

сепнале онъ работалъ надъ болѣе обширнымъ историческимъ очиненіемъ, но оно должно было говорить только о самомъ недавнемъ прошломъ, какъ и Decennale въ цѣломъ. И теперь онъ думалъ, какъ онъ самъ говоритъ намъ въ предисловіи къ своимъ *Istorie Fiorentine*, не восходить далѣе, какъ до 1434 года, когда Медичи приобрѣли большую власть; для предшествующихъ временъ, полагалъ онъ, достаточно уже было трудовъ Леонардо Аретино и Поджіо. Болѣе внимательное разсмотрѣніе показало ему недостаточность этихъ сочиненій въ области обрисовки внутреннихъ событій; какъ бы то ни было онъ не хотѣлъ повторять ихъ трудъ и до 1434 года ограничился разработкой внѣшнихъ фактовъ лишь настолько, на сколько это было необходимо для пониманія внутреннихъ.

Въ первой книгѣ онъ даетъ краткій суммарій итальянской исторіи до четвертаго десятилѣтія XV вѣка, торопливый и часто бѣглый компендіумъ, руководящей мыслью котораго является стремленіе показать развитіе различныхъ политическихъ властей полуострова. Папство, королевство Неаполитанское, Миланъ, Венеція выступаютъ другъ за другомъ; тамъ гдѣ ихъ вліяніе на общую схему фактовъ дѣлается болѣе важнымъ, онъ каждый разъ говоритъ объ ихъ происхожденіи и о причинахъ ихъ силы и слабости. Со второй книги выступаетъ на сцену Флоренція, питая изъ главныхъ властей, и дѣлается главнымъ сюжетомъ произведенія, центральнымъ его пунктомъ. Уже этотъ планъ оригиналенъ и превосходитъ. Для первой книги Маккиавелли взялъ свой историческій матеріалъ изъ *Decadi* Флавіо Бюндо, иногда вставляя отрывки перевода, и картина, которую онъ даетъ, во многихъ отношеніяхъ несовременна, во многихъ пунктахъ неправильна. Онъ говоритъ о различныхъ фазисахъ борьбы между папой и императоромъ и не называетъ ни разу Григорія VII, забываетъ дѣлать различіе между Генрихомъ IV и Генрихомъ III; начало великой борьбы Коммунъ противъ Барбароссы рассказано слѣдующими словами (сар. 18): «онъ вернулся въ Италію, чтобы покорить нѣкоторыя земли въ Ломбардіи, которыя ему не подчинялись». Маккиавелли, будучи человѣкомъ всецѣло современнымъ, плохо понимаетъ условія средневѣковой жизни, онъ совершенно упускаетъ ихъ изъ вниманія или отмѣчаетъ самымъ бѣглымъ образомъ, какъ напримѣръ крестовые походы; вездѣ онъ видитъ дѣло личной политики, результаты индивидуальной силы. Провидѣніе исчезло; тамъ гдѣ авторъ видимымъ образомъ указываетъ на высшую силу, онъ не думаетъ ни о какомъ реальномъ опредѣленіи, но, вмѣсто того единства, которое у средневѣковыхъ лѣтописцевъ связываетъ событія, все же оставаясь для нихъ внѣшнимъ, здѣсь появляется единство самихъ событій, мы ясно видимъ нити развитія въ ихъ сложности и въ ихъ разнообразіи. И въ качествѣ результата получаютъ соображенія общаго характера. Эту историческую проницательность, обнимающую факты и

открывающую въ нихъ общіе феномены, движущія причины, мы находимъ впервые у Макіавелли. Такъ въ политикѣ папъ онъ видитъ причину, совершенно особеннымъ образомъ мѣшающую созданію національнаго единства, и въ недостатокъ военнаго мужества послѣднюю причину слабости всѣхъ итальянскихъ государствъ. Раньше исторія была предлогомъ для соображеній моральныхъ; у Макіавелли ихъ мѣсто занимаютъ разсужденія политическія; вездѣ изъ фактовъ проистекаютъ научныя положенія; все еще стремятся найти въ нихъ практическое поученіе для настоящаго и, ради любви къ этому послѣднему, неоднократно измѣняютъ даже въ значительной степени историческую правду; однако же здѣсь фигурируютъ во всякомъ случаѣ принципы, которые дѣйствительно получались изъ опыта и изъ наблюденія надъ реальной дѣйствительностью и могли быть находимы въ ней безъ труда.

Что касается деталей, Макіавелли представляетъ изъ себя ненадежный источникъ и въ слѣдующихъ книгахъ своей исторіи. Мы не видимъ у него изысканія въ собственномъ смыслѣ этого слова; онъ дѣлаетъ заимствованія у наиболѣе извѣстныхъ лѣтописцевъ, у Виллани, Джіованни Кавальканти и другихъ, часто слѣдуетъ за ними самымъ добросовѣстнымъ образомъ, но потомъ все же мѣняетъ то или другое произвольнымъ образомъ и очевидно не всегда безсознательно. Эти погрѣшности противъ фактической правды должны быть поставлены ему на счетъ; но зато событія, которыя у лѣтописцевъ чередуются совершенно механически, появляются у него впервые въ освѣщеніи ихъ истинной исторической цѣнности; они выведены изъ ихъ причинъ и поставлены въ сферу существовавшихъ условій и человѣческихъ страстей. Во второй и въ третьей книгѣ, гдѣ онъ разсказываетъ исторію своего роднаго города, отъ ея начатковъ до начала XV столѣтія, исключеніе внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя онъ не хотѣлъ повторять, такъ какъ они хорошо уже были разсказаны другими, даетъ ему ту выгоду, что онъ можетъ безъ перерыва слѣдить за внутреннимъ развитіемъ. Съ логической послѣдовательностью мы видимъ, какъ партіи постоянно возникаютъ одна изъ другой, какъ послѣ изгнанія противниковъ побѣдители во свою очередь всегда раздѣляются. Преувеличеніе демократическихъ учрежденій приводитъ къ тому, что общественная власть легко дѣлается добычей честолюбцевъ, злоупотребляющихъ ей, и отсюда возникаетъ непрерывное безпокойство, возмущеніе недовольныхъ и ихъ насильственное подавленіе. Четвертая книга показываетъ намъ возникновеніе могущества фамиліи Медичи, превосходно изображаетъ, какъ эта фамилія мало-по-малу достигла большаго вліянія и сдѣлалась опасной для свободы, какъ она привлекла на свою сторону народъ, интересы котораго она при каждомъ случаѣ принимала подъ свою защиту, и какъ она умѣла спокойно ждать своего момента, пока

ошибки противниковъ не привели ее быстрымъ образомъ къ желанной цѣли. Тамъ, гдѣ разсказъ дѣлается болѣе подробнымъ, авторъ начинаетъ влагать въ уста своихъ героевъ вымышленныя рѣчи, которыя, если и не всегда вполне соответствуютъ эпохѣ и точкѣ зрѣнія говорящихъ, тѣмъ не менѣе не являются праздными риторическими упражненіями, какъ это было у гуманистовъ XV вѣка, а размышленіями и соображеніями, внушенными цѣлью событій, и часто содержатъ болѣе высокую политическую оцѣнку и сужденія автора относительно фактовъ.

Пятая и шестая книги спеціально занимаются изложеніемъ войны и такимъ образомъ составляютъ контрастъ по отношенію къ первымъ: онѣ разоблачаютъ злоупотребленія внутренней жизни республики, и мы благодаря этому можемъ познакомиться и съ злоупотребленіями жизни внѣшней; первыя книги изображали возмущенія партій, угрожавшія свободѣ, благодаря недостаткамъ учреждений, и отдававшія городъ во власть одной фамиліи; слѣдующія книги показываютъ намъ причины политической слабости, которая въ концѣ концовъ привела страну подъ ярмо чужеземнаго владычества. Битвы даютъ намъ постоянно живую картину вѣроломства кондотьеровъ, переходящихъ изъ одной службы въ другую согласно съ собственной выгодой, онѣ рисуютъ также ненадежность наемныхъ солдатъ, которые жаждутъ только денегъ и добычи, дерутся плохо и взаимно щадятъ другъ друга, причемъ Макіавелли въ данномъ случаѣ опять преувеличилъ, для того чтобы сильнѣе подчеркнуть свои идеи. Самымъ поразительнымъ примѣромъ опасности, связанной съ существованіемъ наемниковъ, было коварное покореніе недолговѣчной миланской республики ея же собственнымъ кондотьеромъ Франческо Сфорца; поэтому Макіавелли разсказываетъ данный моментъ въ жизни несчастнаго города съ подробностью и съ жаромъ, указывая на это какъ на истинное увѣщаніе. Внутреннее положеніе Флоренціи было въ эту эпоху менѣе богато значительными движеніями и не представляло болѣе того же самаго интереса. Къ тому же авторъ былъ здѣсь въ своемъ изложеніи не всегда свободенъ; тамъ, гдѣ дѣло шло о поведеніи господствующей фамиліи Медичи, онъ долженъ былъ принимать во вниманіе извѣстныя соображенія. Когда онъ писалъ для одного изъ папъ, онъ могъ безстрашно порицать папскую политику; когда онъ писалъ для одного изъ представителей фамиліи Медичи, онъ не могъ говорить открыто объ этой фамиліи. Тогда легко выносили критику учреждений; но только никто не долженъ былъ касаться династій. Посвященіе Клименту VII-ому увѣряетъ, что авторъ, согласно съ желаніемъ папы, воздерживался отъ всякой лести по адресу его фамиліи; но мы знаемъ, чего стоятъ фразы посвященій. Въ одномъ письмѣ къ Гвиччардини отъ 30 августа 1524 года говорится, что онъ хотѣлъ бы имѣть около себя друга, привыкшаго имѣть дѣло съ великими, хотѣлъ бы совѣ-

товаться съ нимъ при составленіи своей исторіи, чтобы взять вѣрный тонъ и, если это возможно, не оскорблять ни истины, ни отдѣльных лицъ. Поэтому, если онъ и не умалчиваетъ объ абсолютизмѣ правителей и хитрой политикѣ Козимо, онъ во всякомъ случаѣ высказываетъ по адресу фамиліи Медичи только похвальные сужденія, такъ что страннымъ контрастомъ по отношенію къ этой объяснительной партійности выступаютъ любовь къ свободѣ и скорбь объ ея утратѣ, время отъ времени сказывающіяся здѣсь (VIII, 8).

Главнымъ сюжетомъ послѣднихъ двухъ книгъ являются заговоры, послѣднія движенія республиканизма противъ тиранніи, послѣ чего открытая борьба противъ нея прекратилась. Здѣсь авторъ опять не ограничивается Флоренціей. Другая важная доктрина теоретическихъ сочиненій, доктрина о трудности и безуспѣшности заговоровъ, здѣсь иллюстрирована фактами. Повѣствованія Маккіавелли, въ которыхъ вмѣстѣ съ критикой политическихъ ошибокъ заговора соединяется преклоненіе передъ героизмомъ заговорщиковъ, отличаются именно поэтому большой силой. Убіиство герцога Галеаццо Миланскаго (въ концѣ седьмой книги), и заговоръ Пацци (къ началу восьмой) являются наиболѣе блестящими частями произведенія, онѣ исполнены наглядности и драматической жизни во всѣхъ деталяхъ. Потомъ авторъ рассказываетъ еще о войнахъ, послѣдовавшихъ за послѣднимъ заговоромъ, и кончаетъ изображеніемъ благословеннаго, мирнаго состоянія города при смерти Лоренцо и похвальной характеристикой этого послѣдняго.

Здѣсь онъ оканчиваетъ свой трудъ, высказывая все-же намѣреніе продолжать его; для этой цѣли должны были служить фрагменты и матеріалы, найденные среди оставленныхъ имъ бумагъ. Въ исторіографіи Маккіавелли полагалъ необходимымъ примѣнять болѣе высокій стиль, нежели въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ, и благодаря этому въ *Istorie Fiorentine* онъ, хотя и въ мѣру, поступался въ пользу литературныхъ обыкновеній своей эпохи; разстановка словъ болѣе искусственна, глаголь почти всегда появляется въ концѣ предложенія; сохранившіеся фрагменты прежней редакціи еще не имѣютъ этихъ характерныхъ чертъ.

Въ началѣ 1525 года Маккіавелли окончилъ восемь книгъ своихъ *Istorie* и лѣтомъ отправился въ Римъ, чтобы преподнести ихъ Клименту VII. Послѣ битвы при Павіи, онъ вмѣстѣ съ Гвиччардини тщетно старался побудить папу къ рѣшительной политикѣ противъ императора. Онъ дѣлалъ предложенія учредить милицію въ Романѣ, согласно съ древнимъ своимъ планомъ *ordinanza*; ему даже пришла въ голову смѣлая мысль поставить во главѣ итальянскаго войска храбраго Джіованни далле Банде Нере; князья могли снабдить его деньгами и отрядами такимъ образомъ, чтобы никто не зналъ, отъ кого исходятъ эти подкрѣпленія. Послѣ того какъ эти планы не удались

Маккиавелли обратилъ свои заботы на защиту родного города; онъ былъ выбранъ секретаремъ новаго магистрата для укрѣпленія Флоренціи (*Procuratori delle mura*) и посвятилъ этому дѣлу самое пылкое рвеніе. И несмотря на это онъ еще способенъ на фривольныя мысли, съ жаромъ занимается новымъ исполненіемъ *Mandragola*, задуманнымъ Гвиччардини, живо интересуется бойкой пѣвицей Барберой, которая со своими сотоварищами должна была читать вновь сочиненныя *canzonette degl'Intermezzi*, и говорить въ одно и то же время о ней и о своихъ политическихъ заботахъ. Когда императорское войско приблизилось къ югу, во Флоренціи еще не были сдѣланы приготовленія; трижды Маккиавелли былъ посылаемъ къ Гвиччардини, папскому до-вѣренному при войскѣ итальянскихъ союзниковъ, чтобы просить помощи для города. Герцогъ д'Урбино занялъ его своими войсками, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало разграбленіе Рима. Уже 26 апрѣля 1527 года во Флоренціи возникло возмущеніе противъ Медичи; 16 мая была провозглашена республика, и Никколо Каппони былъ избранъ гонфалоньеромъ; граждане стали приготовляться къ защитѣ свободы и серьезнымъ образомъ вознамѣрились создать укрѣпленія города по плану Микель-Анджело. Маккиавелли былъ тогда опять при Гвиччардини, который приближался съ войскомъ къ Риму. Его услуги были бы драгоценными для молодой республики, и этотъ энергическій взрывъ патріотизма былъ ему вполнѣ по сердцу. Но, когда онъ прибылъ во Флоренцію, его встрѣтили недовѣріемъ, потому что онъ служилъ фамиліи Медичи. Должность секретаря *Diesi*, которую онъ раньше занималъ, была довѣрена не ему, а Франческо Таруджи. Черезъ нѣсколько дней онъ серьезно захворалъ; болѣзнь, конечно, могла быть вызвана скорбью, а также и тѣмъ напряженіемъ, которое выпало на его долю за послѣднее время; 22 іюня (1527) онъ умеръ, оставляя свою семью въ величайшей бѣдности. Жизнь его не была безупречной, но она была облагорожена великой идеей, возвышавшей его надъ той эпохой, идеей, во имя которой онъ боролся и страдалъ и ради которой забывалъ самого себя.

Совершенно инымъ характеромъ отличался другой выдающійся дѣятель, съ которыми Маккиавелли послѣдніе годы своей жизни находился въ постоянныхъ отношеніяхъ и котораго политическій переворотъ во Флоренціи низвергъ съ его высокаго положенія. Честный, исполненный достоинствъ, всегда серьезный въ своей частной жизни, въ общественной жизни руководимый любовью къ родному городу, но еще болѣе — сильнымъ честолюбіемъ, лишенный фантазіи и страсти, не воспламеняемый никакимъ энтузіазмомъ по отношенію къ великому прошлому, никакой надеждой на лучшее будущее своего отечества, Франческо Гвиччардини практически-внимательнымъ и яснымъ взглядомъ смотрѣлъ на реальныя условія, вращался своей мыслью исключительно въ сферѣ дѣйствительности и, изучая людей съ высшимъ

пониманіемъ, умѣлъ управлять или извлекать изъ нихъ пользу, такъ-что достигъ большаго вліянія и почестей. Съ самаго дѣтства онъ умно и разсудительно пошелъ по прямой дорогѣ къ разъ намѣченной цѣли; самыя обстоятельства происхожденія болѣе ему благопріятствовали, нежели Макіавелли, ибо онъ былъ сыномъ весьма виднаго человека, Пьеро Гвиччардини, и происходилъ изъ фамиліи, которая издавна играла роль въ управленіи Флоренціи. Онъ родился 6 марта 1483 года; изучалъ право во Флоренціи, въ Феррарѣ и въ Падуѣ, въ 1505 г. былъ избранъ лекторомъ институцій въ своемъ родномъ городѣ, вскорѣ послѣ этого получилъ докторскую степень въ Пизѣ и занимался адвокатурой, имѣя обширную кліентуру. Средствомъ пробиваться впередъ служили для него въ особенности дружескія и родственныя связи. Онъ охотно бы вступилъ также и въ духовное званіе, если бы ему представлялся для этого благопріятный случай; но его отцу не нравилось властолюбіе поповъ. Такимъ образомъ Франческо искалъ компенсаціи въ выгодномъ бракѣ; онъ выбралъ себѣ въ супруги дочь Аламанно Сальвіати, Марію, потому что онъ взвѣсилъ, какъ связь съ этой вліятельной фамиліей могла послужить для его честолюбія, и такимъ образомъ положилъ даже конецъ колебаніямъ своего отца (1508).

Исторія Флоренціи, написанная имъ около 1509 года (смотри сар. 23), указываетъ на острый умъ и наблюдательность, свидѣтельствуешь о знакомствѣ съ жизнью, которое прямо удивительно въ возрастѣ 25 лѣтъ. Эта *Storia Fiorentina*, начинаясь съ возмущенія Ciompi (1378), доходитъ до битвы при Аддѣ (14 мая 1509), когда венеціанцы послѣ Камбрійскаго союза потерпѣли большое пораженіе отъ Французовъ. Изложеніе, въ началѣ очень краткое, подробное—начиная со временъ Лоренцо, имѣетъ совершенно хронологическій распорядокъ, что впрочемъ не мѣшаетъ логическому сочетанію фактовъ. Вездѣ господствуетъ величайшая ясность; при обсужденіи каждаго факта авторъ дѣлаетъ изысканіе относительно побудительныхъ причинъ, раскрываетъ передъ читателемъ запутанную ткань соперничающихъ интересовъ, разоблачаетъ скрытые планы повелителей, искусно анализируетъ политическое положеніе, мѣтко и кратко характеризуетъ людей, нерѣдко вноситъ въ свои характеристики психологическую глубину, и нигдѣ у него нѣтъ пристрастія, вездѣ мы видимъ благоразуміе и мѣру, какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ, примѣръ чего мы въ особенности можемъ видѣть въ сужденіяхъ относительно Лоренцо де' Медичи и Савонароллы (сар. 9 и 17). Мы не находимъ нигдѣ ни энтузіазма, ни негодованія, мы не находимъ и индифферентизма, а видимъ только уравновѣшенное чувство справедливости. Относительно перемѣнъ въ управленіи и въ конституціи города и относительно совершающихся въ данной области погрѣшностей, Гвиччардини высказываетъ самыя мѣткія замѣчанія, и ту же мѣткость мы видимъ при обсужденіи отношеній съ другими властями. Какъ сжато и за-

кончено очертилъ онъ напимѣръ положеніе Венеціи въ Италіи (сар. 7), и противорѣчіе между славой и защитой, которая страна находила въ ея могуществѣ, какъ онъ искусно обрисовалъ страхъ и оппозицію, которые Венеція вызывала въ другихъ итальянскихъ государствахъ, не желавшихъ сдѣлаться ея подданными! Онъ писалъ эту исторію за пятнадцать лѣтъ до того, какъ Маккіавелли окончилъ свой историческій трудъ и по большей части обсуждаетъ одинаковые съ нимъ сюжеты; онъ имѣетъ передъ нимъ преимущество большей исторической точности, но ему не достаетъ общихъ руководящихъ мыслей и драматической живости.

Въ началѣ 1512 года онъ отправился въ Испанію посланникомъ къ королю Фердинанду; онъ самъ говоритъ съ удовлетвореніемъ, что на памяти людей ни одному гражданину въ такомъ юномъ возрастѣ не была довѣрена такая важная миссія и при этомъ онъ былъ снабженъ богатыми денежными средствами. Когда послѣ битвы при Равеннѣ онъ увидѣлъ опасное положеніе своего родного города, онъ написалъ въ Логроньо (27 августа 1512 г.) *Discorso di mantenere il governo popolare col consiglio grande*, гдѣ онъ набрасываетъ, постоянно повторявшійся у него потомъ, планъ конституціи одновременно аристократической и демократической, съ благоразумнымъ равновѣсіемъ властей, на базисѣ существующихъ условій и согласно съ образцомъ венеціанскихъ учреждений. Видѣть во Флоренціи такое свободное и въ то же время упорядоченное правленіе, это его горячее желаніе, «и для того, чтобы оно осуществилось въ наши дни, я безъ всякихъ колебаній пожертвовалъ бы и способностями и жизнью». Но въ то время, когда онъ намѣревался окончить это сочиненіе, онъ узналъ, что Медичи вернулись во Флоренцію, и въ октябрѣ написалъ *Discorso*, показывая наоборотъ, какія мѣры должны быть предприняты владыками для того, чтобы удержать власть. Это—методъ Маккіавелли, чисто научный; проблема перемѣнилась и съ этой новой стороны пробудила его интересъ. Впрочемъ онъ хотѣлъ указать, какъ на болѣе желательную, на либеральную форму правленія фамиліи Медичи; но *Discorso* остался недо-
конченнымъ.

Пятаго января 1514 онъ вернулся изъ Испаніи во Флоренцію; онъ хотѣлъ республики согласно со своими идеями, но примирялся и съ другой формой правленія, и Медичи вскорѣ съ большимъ довѣріемъ стали пользоваться его услугами: «Воля и желаніе людей могутъ не согласоваться съ пониманіемъ вещей», говорилъ онъ позднѣе въ предисловіи къ сочиненію *Del reggimento di Firenze*. Его убѣжденіе было теоріей: нуждаясь въ дѣятельности, желая принять участіе въ управленіи и выдѣляться среди другихъ, онъ принималъ положеніе, которое мало соответствовало его принципамъ; такъ поступало тогда большинство. И подобно Маккіавели, разъ отдавшись какому нибудь дѣлу, Гвиччардини служилъ ему съ преданностью, съ умомъ, съ вѣрностью,

отдавался ему всѣми помыслами. Въ юнѣ 1516 г. папа Левъ назначилъ его губернаторомъ Модены, а потомъ также и Реджіо; онъ въ 1521 г. спасъ этотъ послѣдній городъ отъ посягательства Лескуна, и въ томъ же самомъ году защищалъ Парму противъ французовъ въ моментъ немалой опасности, съ хладнокровіемъ и рѣшительностью, которыми бы сдѣлали честь и солдату. Климентъ VII сдѣлалъ его въ 1523 г. президентомъ Романьи; это было высокое положеніе, и здѣсь также онъ проявилъ себя въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, съ суровостью подавляя въ странѣ безпорядокъ. Послѣ битвы при Павіи онъ ревностно боролся за союзъ итальянскихъ князей съ Франціей и за вооруженное сопротивление императору, видя въ этомъ послѣднюю надежду на возможность сломить испанское владычество въ Италіи. Онъ былъ назначенъ начальникомъ (*luogotenente generale*) папскихъ и флорентинскихъ отрядовъ; но его попытки не удались, благодаря нерѣшительности папы и герцога д'Урбино; послѣдовало разграбленіе Рима и изгнаніе фамиліи Медичи изъ Флоренціи. Его обвиняли теперь съ двухъ сторонъ, папскіе приверженцы въ томъ, что онъ вызвалъ войну противъ императора, флорентинцы въ томъ, что онъ былъ слугой Медичи. Онъ удалился въ свое имѣніе Финоккетто близъ Флоренціи и жилъ здѣсь два года въ вынужденномъ бездѣйствіи.

Достопримѣчательное сочиненіе, датированное сентябремъ 1527 г. разоблачаетъ передъ нами его душевное состояніе; это — утѣшеніе самому себѣ, вложенное въ уста одного друга. Вначалѣ онъ съ большой живостью рисуетъ всѣ отдѣльныя детали своего положенія; передъ нами въ сущности та же самая картина, которая столько разъ повторялась со времени Боеціа; но какъ перемѣнилась форма утѣшенія! Въмѣсто философіи и религіи къ нему приходятъ для утѣшенія знанія міра и здравый человѣческій разумъ. Этотъ участливый другъ замѣчаетъ, что лучшимъ излѣченіемъ отъ печали является сознаніе суетности всего земного; но дѣйствительность этого сознанія сильно уменьшена; человѣческая слабость должна быть извиняема и для утѣшенія ея нужно что-нибудь другое. Несчастіе папы, говорить утѣшитель, его огорчаетъ и это дѣлаетъ ему честь, но скорбь пройдетъ, потому что она создана только состраданіемъ, а не собственнымъ несчастіемъ. Онъ долженъ ожидать еще разъ потери своего высокаго положенія, благодаря извѣстной превратности счастья; и судьба еще обошлась съ нимъ благосклонно, ибо она у него не отняла ни состоянія, ни свободы; клеветы также вскорѣ уступятъ мѣсто истинѣ. Его натура побуждаетъ его къ дѣятельности; съ другой стороны вліяніе среди людей, происходящее благодаря видному положенію, прекрасно, оно дѣлаетъ насъ подобными Богу, но и независимость имѣетъ свою цѣнность, и такъ какъ судьба еще разъ предлагаетъ ему эту независимость, онъ долженъ принимать ее съ благоларностью, на его долю выпадаетъ досугъ, исполненный досто-

инства (*otium cum dignitate*); будучи достаточно снабженъ благами счастья, будучи услаждаемъ обществомъ уважаемыхъ родственниковъ, онъ живетъ между городами и виллой, между литературными и сельскохозяйственными занятіями, онъ принимаетъ свободное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, его услаждаетъ память о прошлыхъ почестяхъ и о совершенныхъ дѣлахъ. Такъ восхваляетъ онъ преимущество своего настоящаго положенія, но въ виду его манеры чувствовать, эти выгоды представляются только софизмами, которымъ онъ вѣритъ насильственно.

Уже раньше, когда Флоренція еще управлялась именемъ Климента VІІ, т. е. между 1523 и 1527 годами, онъ написалъ двѣ книги, *Del Reggimento di Firenze*, діалоги, которые онъ относитъ къ 1494 году, ко времени послѣдовавшему за первымъ изгнаніемъ фамилии Медичи. Его отецъ—Піеро Гвиччардини, Піеро Каппони и Паолантонио Содерини посѣщаютъ въ его виллѣ престарѣлаго Бернардо дель Неро, приверженца фамилии Медичи, который позднѣе (1497) былъ казненъ за соучастіе въ заговорѣ, возникшемъ въ ея пользу. Здѣсь они паталкиваются на вопросъ, выиграла или проиграла Флоренція во время недавно свершившагося переворота. Три друга являются пылкими республиканцами, и Содерини съ благороднымъ краснорѣчіемъ прославляетъ свободу, достоинство человѣка, которое ни изъ за какой выгоды не преклонится передъ тиранніею. Но Бернардо не хочетъ ничего знать объ этомъ общемъ разсужденіи; онъ не сравниваетъ форму правленія въ абстракціи; что лучше, господство одного или господство многихъ, объ этомъ можно прекрасно диспутировать, но онъ хочетъ заниматься разсмотрѣніемъ условій конкретныхъ; онъ скептически относится къ традиціоннымъ понятіямъ; громкія слова не производятъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ хорошо видитъ, что въ частной жизни каждый хотѣлъ бы быть своимъ собственнымъ господиномъ; но что касается жизни общественной, онъ признаетъ въ людяхъ не столько естественное стремленіе къ свободѣ, сколько желаніе владычествовать, быть выше другихъ. Тотъ, кто имѣетъ такое желаніе, только ослѣпляетъ другихъ именемъ свободы для того, чтобы достигъ своихъ цѣлей, и толпа, не имѣя возможности надѣяться получить господство, стремится къ равенству; послѣ того какъ это послѣднее достигается, желанія опять таки не останавливаются на этомъ и тотъ кто раньше хотѣлъ только не быть подчиненнымъ, хочетъ теперь самъ подчинять. Такимъ образомъ, не будучи вводимъ въ заблужденіе абсолютными требованіями добра и зла, онъ сравниваетъ правленіе одного въ лицѣ Лоренцо и правленіе многихъ въ великомъ совѣтѣ Савонароллы, находитъ много дурныхъ сторонъ въ первомъ и еще больше во второмъ. Новый переворотъ однако не желателенъ. Правленіе черезъ посредство одного можетъ быть лучше само по себѣ, нежели правленіе демократическое; но тираннія, пріобрѣтенная

съ помощью силы не лучше демократіи, другая же форма тиранніи въ данное время невозможна. Настоящее народное правленіе имѣетъ свои недостатки; но онъ на нихъ указалъ затѣмъ, чтобы ихъ можно было исправить, и, какъ Макіавелли, онъ объявляетъ эту форму правленія пригодной для Флоренціи, благодаря равенству гражданъ ¹⁾. Нужно искать не какой-нибудь идеальной конституціи, которая исполнима на бумагѣ, какъ республика Платона, но такой, которую можно было надѣяться осуществить, принявъ во вниманіе природу, отношенія и наклонности гражданъ. Поэтому и въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи такой конституціи постоянно ставится вопросъ не только о томъ, цѣлесообразны ли данныя учрежденія, но также, можно-ли ихъ осуществить при теперешнемъ господствующемъ великомъ союзѣ.

Гвиччардини хочетъ смѣшанной формы правленія, какъ уже и въ древности ее считали наиболѣе совершенной. Нужно заставить дѣйствовать полезныя стороны демократіи, аристократіи и монархіи и избѣгать ихъ вредныхъ сторонъ. Выборы магистратовъ принадлежать великому совѣту, чтобы никто не могъ черезъ посредство раздачи должностей создавать себѣ приверженцевъ и угрожать свободѣ; обсужденіе законовъ и всѣхъ трудныхъ дѣлъ производится не передъ народомъ, а передъ болѣе тѣснымъ совѣтомъ, ибо оно требуетъ размышленія. Власть инициативы и власть исполнительная достаются одному, ибо здѣсь требуется быстрота и единство. Къ великому совѣту, открытію котораго содѣйствовалъ Савонаролла, и къ пожизненному гонфалоньеру, — должность созданная въ 1502 году, — Гвиччардини присоединяетъ сенатъ, также пожизненный, и съ мудрой осмотрительностью онъ разграничиваетъ эти три государственныя власти во всѣхъ деталяхъ. Сенатъ ²⁾ является истиннымъ исходнымъ пунктомъ конституціи, онъ стоитъ въ центрѣ, мѣшаетъ излишества въ обѣихъ сторонъ, обуздываетъ и тираннію и неудержную демагогію. Онъ удовлетворяетъ и честолюбіе вліятельныхъ гражданъ, оправдываетъ желаніе выказывать свои способности, служащія на благо общества. Этотъ сенатъ не наслѣдственъ, онъ пополняется путемъ выборовъ и образуетъ вмѣстѣ съ другими высокими должностями аристократію власти и таланта. Если взять за основаніе государства равенство, различіе способностей и пониманія останутся и, если удерживать полное равенство силой, получается недовольство; неиз-

1) Конечно о настоящемъ народномъ правленіи тогда вообще нѣтъ никакой рѣчи, потому что ограниченное число гражданъ имѣетъ доступъ къ *Consiglio maggiore*; Гвиччардини самъ сравниваетъ его съ *Gran Consiglio* аристократической Венеціи.

2) Идея такого сената вмѣсто существующаго *consiglio degli Ottanta* возникла уже въ 1501 и въ 1502 году: Guicciardini, *Stor. Fior.*, cap. 22, p. 237 и 25, p. 277.

бѣжному честолюбію единицъ должно по возможности доставлять законное удовлетвореніе для того чтобы оно не искало другихъ путей и не дѣлалось опаснымъ. Образцомъ здѣсь была Венеціанская конституція, изъ которой уже съ 1494 года былъ заимствованъ во Флоренціи цѣлый рядъ важныхъ реформъ. Удивлялись республикѣ, которая процвѣтала въ теченіе столѣтій, въ то время какъ вездѣ свободныя учрежденія переживали упадокъ, давно уже болѣе не видя никакихъ внутреннихъ волненій, республикѣ, которая занимала мѣсто въ ряду европейскихъ державъ. Гвиччардини отмѣчаетъ, какъ достоинство формы правленія имъ рекомендуемой, то обстоятельство, что она во всѣхъ существенныхъ пунктахъ походитъ на форму правленія венеціанскую; ибо эта послѣдняя кажется ему лучшей не только для этого времени, но лучшей изъ всѣхъ формъ правленія, какими только когда-либо обладалъ въ древности какой-нибудь городъ. Выше всего онъ ставитъ римскую конституцію, учрежденія которой критикуетъ очень мѣтко, хотя чрезвычайно высоко цѣнитъ военное мужество Римлянъ, строгость ихъ нравовъ, ихъ любовь къ славѣ и къ отечеству. Макіавелли видѣлъ укрѣпленіе добраго государственнаго порядка главнымъ образомъ именно въ военной силѣ; гдѣ есть хорошее вооруженіе, говорилъ онъ, тамъ есть и хорошіе законы, поэтому выше всего онъ цѣнитъ Римъ, а Венецію не смотря на ея политическое искусство цѣнилъ мало, такъ какъ ей недоставало вооруженія.

Гвиччардини также считаетъ вооруженіе народа очень желательнымъ, но трудности выполненія кажутся ему почти непреодолимыми, и при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ былъ правъ. У Гвиччардини мы находимъ критику мыслей Макіавелли. Будучи разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ примѣнимости, будучи поставлены въ рамку условій того времени, онѣ представляются иллюзорными, такъ что практическій разсудокъ отвергаетъ ихъ; но онѣ были истинны для будущаго. Въ *Considerazioni sui Discorsi del Machiavelli* Гвиччардини разсматриваетъ цѣлый рядъ главъ въ произведеніяхъ этого послѣдняго. Его замѣчанія въ деталяхъ по большей части совершенно справедливы; онъ часто съ большой глубиной изслѣдуетъ вопросы, отъ которыхъ Макіавелли отдѣливается немного слишкомъ скоро, какимъ-нибудь бѣглымъ указаніемъ, ибо для него вся важность заключается въ общихъ истинахъ; Гвиччардини сводитъ слишкомъ абсолютныя сужденія Макіавелли къ ихъ пропорціи, взвѣшиваетъ ихъ болѣе разсудительно, разсматриваетъ вещи всегда съ ихъ разныхъ сторонъ. Макіавелли раздѣлялъ знаніе отъ религіи и отъ морали; но авторитетъ античной древности еще налагалъ на него свои узы; Гвиччардини свободенъ и отъ этого, онъ часто порицаетъ суевѣрное преклоненіе передъ всѣмъ римскимъ и пренебреженіе ко всему, что современно. По оригинальности и смѣлости идей Макіавелли стоитъ

выше, чѣмъ Гвиччардини, но этотъ послѣдній превосходитъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мѣткѣ и точномъ наблюденіи. Его взглядъ не затуманенъ никакой иллюзіей, онъ видитъ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ, и въ своихъ сужденіяхъ не позволяетъ патріотическимъ стремленіямъ обманывать себя. У Макіавелли вѣра въ силу историческаго примѣра, въ дѣйствительность общихъ правилъ нерѣдко преувеличена; Гвиччардини не хочетъ ничего знать объ общихъ правилахъ и признаетъ за историческимъ примѣромъ лишь ограниченную полезность. Общіе правила не могутъ оцѣнить разнообразія отдѣльныхъ обстоятельствъ, не могутъ исчерпать его; примѣръ обманчивъ, потому что онъ не подобенъ въ точности данному случаю и большія трудности всегда мѣшаютъ распознавать различія. Теорія и практика различны, и знаніе совѣтъ не полезно для нашихъ поступковъ безъ способности различенія, которая является нашимъ истиннымъ руководителемъ. Поэтому онъ не преувеличиваетъ и практической непосредственной пользы своихъ *Ricordi politici e civili*: «эти *ricordi*, говоритъ онъ (№ 257), представляютъ изъ себя правила, которыя можно записывать въ книгахъ; но есть отдѣльные случаи, которыми, въ виду того, что они имѣютъ иную фیزیономію, нужно пользоваться иначе и ихъ можно записывать только въ книгѣ различенія».

Эти *Ricordi politici e civili* представляютъ изъ себя правила, заимствованныя изъ опыта, они собраны мало-по-малу безъ опредѣленнаго порядка, записаны или скопированы во время невольнаго уединенія автора между 1527 годомъ и 1530, чтобы послужить воспоминаніемъ для самого себя, еще болѣе для того, чтобы послужить на пользу его потомкамъ. Они содержали въ высшей степени тонкія и правдивыя наблюденія, касающіяся общественной и частной жизни, въ формѣ совершенно ясной и точной, какъ все, что написалъ Гвиччардини. Нерѣдко мы встрѣчаемъ также изреченія, повторяющіяся въ другихъ произведеніяхъ автора. Здѣсь нѣтъ и слѣда обычныхъ моральныхъ поученій, которыя отецъ имѣлъ обыкновеніе оставлять своимъ дѣтямъ: вопросъ не въ томъ, что хорошо, а въ томъ, что полезно для практической жизни. О вѣдѣніяхъ долга никогда не говорится ни слова; побужденіемъ къ похвальнымъ поступкамъ является честь; высоко почитать ее,—это наибольшая добродѣтель, которую можно имѣть; безъ нея не можетъ случиться ничего великаго и ничего значительнаго (118, 327). Не нужно упускать случая совершить похвальный поступокъ и тогда, когда онъ не приноситъ никакой видимой выгоды, но не по мотивамъ моральнымъ, а потому, что всегда въ этомъ—нашъ расчетъ; мы приобретаемъ добрую славу и доброе имя, которыя рано или поздно будутъ намъ крайне полезны (390).

Поведеніе разумнаго человѣка справедливо и весьма полезно для общаго блага; но въ центрѣ всегда стоитъ собственный интересъ.

Быть открытымъ и честнымъ похвально и наиболѣе прекраснѣе, притворяться—доставляетъ наибольшую выгоду; итакъ пусть въ обычныхъ случаяхъ слѣдуютъ первому пути, а второй избираютъ лишь въ случаяхъ большой важности, возникающихъ рѣдко; такимъ образомъ доброе имя соединяется съ полезностью (104, 267). Доброе природное дарованіе, воспитаніе ума, знаніе людей, дѣятельность приводятъ къ цѣли; но необходимъ и счастливый случай; необходимо добровольно приспособляться къ нему, а не владычествовать надъ нимъ; въ этомъ также заключается необходимая часть практической мудрости. Говорятъ, что жизнь коротка; но она достаточно длинна, если мы не теряемъ своего времени. Вѣчному Memento mori моралистовъ и теологовъ этотъ свѣтскій человѣкъ впервые противопоставляетъ, въ качествѣ благодѣтельного контраста, Memento vivere. Мы всѣ знаемъ, что мы должны умереть и однако мы живемъ, какъ будто бы мы были увѣрены, что будемъ жить вѣчно; такъ повелѣла природа, потому что этого требуетъ теченіе и порядокъ міровой машины; ибо если бы мы думали постоянно о смерти, міръ былъ бы полонъ сонливости и ступѣнія (160). Духъ человѣка устремленъ къ земному; «философы и теологи и всѣ другіе, кто писалъ о сверхъестественномъ и невидимомъ, говорятъ тысячу глупостей; потому что въ дѣйствительности люди, обсуждая вещи, пребываютъ во тьмѣ, и это изслѣдованіе служило и служить болѣе для упражненія умовъ, нежели для нахожденія истины» (125). Онъ не отрицаетъ этотъ сверхъестественный міръ, и въ его сочиненіяхъ мы часто видимъ кабожныя и религіозныя выраженія, которыя впрочемъ имѣютъ скорѣе характеръ простыхъ формулъ. Этому ясному и положительному уму претило стремленіе проникать въ области невѣрнаго, такъ что онъ оставляетъ ихъ неизслѣдованными, его разработка и его истолкованія фактовъ остаются внѣ такого вліянія, они покоятся на основахъ естественныхъ. Онъ вполне признаетъ силу, которую развиваетъ вѣра, признаетъ ея важность, въ качествѣ историческаго фактора, и объясняетъ ея дѣйствіе (1); человѣкъ мудрый поэтому считается съ ней: «Никогда не боритесь съ религіей, никогда не боритесь съ вещами, которыя повидимому зависятъ отъ Бога; ибо этотъ предметъ имѣетъ слишкомъ большую власть надъ умами неразумныхъ» (253). Онъ одобряетъ богослуженіе, но въ разумной мѣрѣ; онъ осуждаетъ суевѣріе, насмѣхается надъ астрологами; но, какъ Маккиавелли, онъ убѣжденъ въ существованіи духовъ, обитающихъ въ воздухѣ и вступающихъ въ отношенія съ людьми, и думаетъ, что имѣетъ относительно этого вѣрнѣйшій опытъ (211).

Его желанія не менѣе патріотичны, чѣмъ желанія Маккиавелли; но онъ видитъ ихъ невыполнимость въ настоящемъ, а болѣе отдаленнымъ будущимъ онъ не занимается, потому что оно темно. Онъ также хотѣлъ бы видѣть Италію освобожденной отъ варваровъ; онъ

хотѣлъ бы видѣть уничтоженнымъ владычество поповъ (236); но его положеніе на службѣ двумъ папамъ принуждало его, по личнымъ мотивамъ, содѣйствовать ихъ величію: «если бы не это соображеніе, я полюбилъ бы Мартина Лютера болѣе, чѣмъ самого себя, ибо я надѣялся бы, что его секта можетъ уничтожить преступную тираннію поповъ, или по крайней мѣрѣ обрѣзать у нея крылья» (28, 346). Онъ хотѣлъ бы видѣть свой родной городъ свободнымъ, но мало въ это вѣритъ, потому что этотъ городъ старъ и неспособенъ на реформы, онъ убѣжденъ также, что и система управленія, созданная имъ съ такимъ искусствомъ и съ такимъ остроуміемъ, не можетъ быть осуществлена въ дѣйствительности. Онъ признаетъ, что и города, и государства смертны (189), и оплакиваетъ судьбу гражданина, который живетъ въ такую эпоху упадка своей родины; но это не можетъ быть измѣнено, это—логическое несчастье, потому что съ народомъ происходитъ только то, что должно происходить согласно съ теченіемъ вещей. Поэтому онъ со вздохомъ принимаетъ такое положеніе, какъ фактъ, и самъ дѣлается орудіемъ деспотизма. И въ этомъ также у него есть наготовѣ оправданіе: когда родина попадается въ руки тирановъ, долгъ добрыхъ гражданъ—стремиться получить у нихъ вліяніе, преслѣдуя при этомъ добрыя намѣренія, и если тиранъ окруженъ людьми честными, это прямо благотворно для интересовъ города (220).

Когда осенью 1529 года императорское войско приблизилось къ Флоренціи, Гвиччардини оставилъ свою виллу и отправился въ Болонью; благодаря этому онъ былъ объявленъ мятежникомъ въ томъ городѣ, гдѣ всегда считался подозрительнымъ, и его имущество было подвергнуто конфискаціи (17 марта 1530). Это окончательно повліяло на его рѣшеніе; отправившись въ Римъ, онъ предложилъ свои услуги папѣ Клименту VII, который, послѣ того какъ Флоренція сдалась (10 августа 1530), поставилъ его во главѣ управленія вмѣстѣ съ Баччіо Валори, Франческо Веттори и Роберто Аччіаюоли. Въ совѣтахъ, которые онъ тогда посылалъ въ Римъ (1531), онъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія абсолютизма, который онъ сперва такъ часто называлъ вреднымъ и невозможнымъ для Флоренціи; однако онъ предостерегаетъ отъ мѣръ, раздражающихъ народъ. Но, находясь въ матеріальныхъ затрудненіяхъ, онъ желалъ получить должность, которую папа обѣщалъ ему уже сначала, и въ маѣ 1531 года отправился въ качествѣ губернатора въ Болонью. Въ 1532 году онъ принималъ большое участіе въ реформѣ флорентинскаго управленія и послѣ смерти Климента (1534) вернулся на родину, гдѣ вступилъ въ число совѣтниковъ герцога Алессандро и принималъ не красивую роль защитника тиранніи въ Неаполѣ, когда въ 1535 году флорентинскіе изгнанники представили тамъ Карлу V свои жалобы. Въ 1537 году послѣ убійства Алессандро онъ былъ однимъ изъ тѣхъ,

которые осуществили возвышеніе Козимо. Въ немъ возникли старыя либеральныя идеи, онъ надѣялся ограничить абсолютную власть князя посредствомъ учрежденія сената, но его попытки имѣли плохой исходъ и самъ онъ потерялъ всякое вліяніе. Съ тѣхъ поръ до самой смерти, послѣдовавшей въ маѣ 1540 года, онъ жилъ по большей части въ своей виллѣ въ Арчетри, будучи занятъ своимъ наиболѣе важнымъ трудомъ, *Storia d'Italia*.

Гвиччардини начинаетъ свою исторію тамъ, гдѣ кончается своя Макіавелли, именно съ 1492 года, и заканчиваетъ ее 1534 годомъ, смертью Климента VII, тѣмъ историческимъ пунктомъ, когда, послѣ различныхъ колебаній перевѣса между Франціей и Испаніей, надолго укрѣпилось вліяніе послѣдней. Такимъ образомъ передъ нами здѣсь вполнѣ выступаетъ періодъ національнаго злополучія Италія, приближеніе котораго въ рассказѣ Макіавелли протлѣдывало мало-по-малу. Въ то время какъ раньше въ Италіи писались исторіи отдѣльныхъ городовъ и отдѣльныхъ государствъ, хотя и при условіи соблюденія связи со всей страной, Гвиччардини впервые покинулъ эту узкую точку зрѣнія, онъ разрабатывалъ исторію Италіи въ ея цѣломъ и, поступая такъ, умѣлъ освободиться отъ всякаго частичнаго интереса, умѣлъ постоянно признавать за фактами ихъ полную цѣнность. Исторія страны, раздѣленной на многочисленныя государства, развивающіяся отдѣльно и притомъ въ эпоху, исполненную смутныхъ сплетеній интересовъ, была темой очень трудной; но Гвиччардини внесъ въ нее порядокъ и ясность, насколько это было возможно. Онъ соблюдаетъ еще лѣтописный порядокъ, даже болѣе строго, нежели въ предшествующей *Storia Fiorentina*; большее разнообразіе сюжета повидимому требовало болѣе тщательности въ соблюденіи хронологіи. Эти останки въ началѣ года, эти частые перерывы въ рассказѣ производятъ докучное впечатлѣніе, когда мы хотимъ слѣдить за опредѣленнымъ развитіемъ, но они зато постоянно рисуютъ передъ нами положеніе всей страны. Широкимъ взглядомъ Гвиччардини обнимаетъ громадную массу событій, заставляетъ выступать въ фактахъ, развивающихся бокомъ о бокъ, отношенія и взаимныя вліянія, и по большей части дѣлаетъ искусный переходъ отъ одного предмета къ другому. Ранке сравнивалъ композицію этого произведенія съ композиціей *Orlando Furioso*; Гвиччардини, какъ Аріосто, всегда держитъ въ рукахъ всѣ нити своихъ рассказовъ, разрываетъ ихъ и потомъ снова сплетаетъ; но конечно историкъ, вращаясь въ сферѣ дѣйствительности, не имѣетъ необходимой свободы для того, чтобы дѣлать эти превратности такими разнообразными и привлекательными, какъ это дѣлаетъ поэтъ, вращаясь въ сферѣ вымысла.

Какъ въ основѣ *Storia Fiorentina*, такъ и въ основѣ *Storia d'Italia* лежитъ самое тщательное изысканіе; собраніе матеріаловъ, сохранившееся донинѣ, показываетъ это самымъ похвальнымъ образомъ.

Сужденіе о вешахъ всегда безпристрастно, чуждо партійности, полно политической мудрости; поведеніе правящихъ, ошибки и ложные шаги, которые послужили началомъ столькихъ бѣдствій, подвергнуты умѣстной критикѣ; онъ не щадитъ никого, не щадитъ и тѣхъ, кто лично былъ ему полезенъ. У Макіавелли это сужденіе было бы болѣе живымъ и личнымъ: «я отдыхаю, обвиняя князей, которые сдѣлали все, чтобы довести насъ до этого», писалъ этотъ послѣдній въ концѣ 1525 года, когда онъ сталъ продолжать свою исторію. Гвиччардини не обвиняетъ, а изображаетъ и критикуетъ, и какъ его порицаніе, такъ и его одобреніе холодны; онъ ясно видитъ всѣ ошибки, которыя были совершены во Флоренціи послѣ революціи 1527 года, и не говоритъ о томъ, съ какимъ героизмомъ городъ выносилъ осаду. Эпоха, въ которую онъ жилъ, даетъ ему слишкомъ мало примѣровъ самоотреченія и его хорошо-испытанный скептицизмъ едва вѣритъ въ эту добродѣтель. Вездѣ онъ видитъ только игру личныхъ интересовъ.

Здѣсь, въ мотивировкѣ, заключается истинное искусство Гвиччардини. Онъ опять отличается отъ Макіавелли тѣмъ, что совершенно входитъ въ существующую дѣйствительность, которую этотъ послѣдній только созерцаетъ общимъ взглядомъ; благодаря этому у Гвиччардини мы видимъ большую точность въ деталяхъ, къ которымъ онъ приступаетъ безъ всякаго предвзятаго отношенія. Чувства и впечатлѣнія, созданныя событіями и побуждающія къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, тайные планы правящихъ, мотивы и размышленія за и противъ, все это развито мастерски. Почему являлось постоянной проблемой этихъ политиковъ, которые по поводу такихъ вопросовъ выказывали свое остроуміе, какъ мы это видѣли въ перепискѣ между Макіавелли и Веттори. Въ самомъ началѣ сочиненія Гвиччардини представился удобный предлогъ выказать блестящимъ образомъ такую способность. Здѣсь путемъ тонкаго психологическаго анализа онъ шагъ за шагомъ разбирается въ путаницѣ соперничающихъ интересовъ и побудительныхъ мотивовъ, опредѣлившихъ поведеніе каждаго отдѣльнаго князя. Это одна изъ самыхъ величественныхъ и поучительныхъ историческихъ картинъ; катастрофа, постигшая независимость націи, схвачена во всемъ ея великомъ значеніи; вездѣ проявляется рѣшающее значеніе момента, дѣлающее интересной и важной каждую деталь, и герои этой драмы, Лодовико il Мого, съ безконечной паутиной своихъ интригъ и обмановъ, папа Александръ съ своей жадностью и своимъ честолюбіемъ, Піеро де Медичи, Альфонсо Неаполитанскій, кардиналъ Джуліано делла Ровере, донинѣ живутъ такъ, какъ ихъ нарисовалъ Гвиччардини.

Для этой цѣли психологической мотивировки служатъ также главнымъ образомъ рѣчи, разбросанныя тамъ и сямъ. По большей части онѣ подлинны, по крайней мѣрѣ по содержанію, хотя прикрашены

и если сочинены, то въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ могли онѣ быть произнесены. Дѣло идетъ здѣсь о личностяхъ современныхъ, и благодаря этому авторъ могъ схватить болѣе вѣрный тонъ. Онъ любитъ въ особенности, въ виду важнаго рѣшенія придавать драматическую форму доводамъ за и противъ, облекая ихъ въ двѣ противоположныя рѣчи.

Стиль этого послѣдняго произведенія сдѣлался болѣе тяжелымъ, если мы его сравнимъ со стилемъ предшествующихъ. Нѣтъ недостатка въ латинскихъ оборотахъ рѣчи, но во всякомъ случаѣ, это не столько форма господствовавшего тогда построения періода, сколько преувеличеніе стилистической манеры, появляющейся уже въ *Storia Fiorentina* Гвиччардини и основывающейся на самой формѣ его мышленія. Его вниманіе охватываетъ всегда вещи со всѣхъ сторонъ сразу, хочетъ исчерпать всѣ различныя обстоятельства, чтобы дать мотивировку во всей ея полнотѣ. Такимъ образомъ главные предложенія обременены множествомъ придаточныхъ, причины событій, побудительныя мотивы дѣйствій сплетаются въ длинномъ рядѣ дѣпричастій и причастій. Эти безконечныя періоды Гвиччардини знамениты; они дѣлаются особенно тяжелыми къ концу произведенія, и весьма возможно, что они были бы упрощены при окончательномъ пересмотрѣ. Изъ сочиненій Маккіавелли только немногія и не самыя важныя были напечатаны при жизни ихъ автора; изъ произведеній Гвиччардини не появилось въ печати при его жизни ни одного. *Storia d'Italia* была опубликована въ 1561 году и тогда только шестнадцать книгъ; послѣднія четыре, указывающія на отсутствіе тщательности въ отдѣлкѣ, появились въ 1564 году. Его многочисленныя другія сочиненія вышли въ свѣтъ только въ наши дни и дали возможность оцѣнить автора во всемъ его значеніи.

Третій политическій флорентинскій писатель, Донато Джіаннотти, по своимъ чувствамъ ближе примыкаетъ къ Маккіавелли, сочиненія котораго онъ внимательно изучалъ, нежели къ Гвиччардини, съ которыми онъ въ свою очередь согласуется часто въ теоріяхъ. Онъ родился въ незначительной семьѣ 27 ноября 1492 года; въ 1527 году (23 сентября) послѣ смерти Франческо Таруджи онъ получилъ, уже принадлежавшее раньше Маккіавелли, мѣсто секретаря въ совѣтѣ Десяти, и ревностно заботился о защитѣ города. Послѣ капитуляціи онъ, какъ и Маккіавелли въ 1512 году, выказалъ желаніе поступить на службу къ побѣдителю и съ такой цѣлью отправился въ Римъ съ рекомендательнымъ письмомъ Джироламо Бенивиени (27 сентября 1530 года) къ Якопо Сальвиати, быть можетъ въ надеждѣ, что сохранится республиканское управленіе и его совѣты будучи приняты во вниманіе. Но вмѣсто этого ему сперва было приказано оставаться въ территоріи между шестью и двадцатью милями отъ Флоренціи и потомъ (отъ 1533 года до конца 1535 года)—до Биббіены, послѣ

чего ему было позволено жить опять въ имѣніи, въ Коміано. Результатомъ его прежняго путешествія въ Венецію было его сочиненіе *Della Repubblica de' Viniziani*, въ формѣ діалога между Трифоне Габріэлло и флорентинцемъ Джіованни Боргерини, написанное уже въ 1526 году, но переработанное въ 1530. Съ большой тщательностью онъ описываетъ учрежденія республики, въ особенности сложную систему избранія магистратовъ, и исторически изучаетъ происхождение отдѣльныхъ учреждений. Венеціанская конституція, относительно которой онъ первый сдѣлалъ знаменитое сравненіе съ пирамидой, представляется ему, также какъ и Гвиччардини, наиболѣе совершенной; по его мнѣнію врядъ ли что-нибудь нужно въ ней исправлять. Поэтому его планы реформъ во флорентинской республикѣ цѣликомъ составлены по этому образцу; онъ держится его еще болѣе, нежели самъ Гвиччардини: такъ мы это видимъ въ *Discorso sopra il fermare il governo di Firenze*, съ которымъ въ 1527 году онъ обратился къ гонфалоньеру Никколо Каппони, а равнымъ образомъ въ четырехъ книгахъ *Della Repubblica Fiorentina*, которое онъ написалъ въ изгнаніи, повидимому въ 1531 году.

Удовлетвореніе желаній различныхъ слоевъ общества, удовлетвореніе жажды къ свободѣ въ массѣ, большаго или меньшаго честолюбія отдѣльныхъ гражданъ, отмѣчено у Гвиччардини, какъ фактъ, имѣющій особенную важность; у Джіаннотти этотъ фактъ является прямо основой разсужденій, ибо только посредствомъ него можно обезпечить прочность за государственнымъ зданіемъ. Смѣшанная форма управленія, по венеціанскому образцу, вполне удовлетворяетъ этому условію и представляетъ гарантію противъ абсолютизма магистратовъ, представлявшаго именно погрѣшность прежнихъ флорентинскихъ конституцій. Это — *согро piramidato*; въ основѣ лежитъ великій совѣтъ: восходя вверхъ, это государственное зданіе суживается въ сенатъ и въ коллегію, и на самой вершинѣ стоятъ пожизненный гонфалоньеръ; эта послѣдняя должность, какъ и должность дожа, являясь олицетвореніемъ величія государства, соединена не столько съ выдающейся силой, сколько съ блескомъ и почестями. Основной принципъ конституціи заключается въ томъ, что ограниченное число совѣтуетъ и исполняетъ, но не рѣшаетъ; рѣшеніе принадлежитъ большому числу, сенату и великому совѣту; такимъ образомъ произволъ и вмѣшательство частныхъ интересовъ дѣлаются невозможными. Совѣтъ, обсужденіе и исполненіе, находясь въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, дѣлаются абсолютизмомъ.

Джіаннотти не обладаетъ оригинальностью Маккиавелли и Гвиччардини, кромѣ того у нѣтъ ни энергичнаго стиля перваго, ни точности втораго. Его изложеніе нерѣдко растянута и страдаетъ повтореніями; онъ не основываетъ своей системы на аргументаціи такой точной и универсальной, онъ судитъ скорѣе виѣшнимъ образомъ, сообразно

съ успѣхами, которые были видимы. Главная заслуга его сочиненій состоитъ въ точномъ описаніи учреждений, которые пользуются вліяніемъ или пользовались имъ въ прошломъ, и въ критикѣ ихъ, которую онъ развиваетъ такъ полно и подробно, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Будучи республиканцемъ по глубокому убѣжденію, онъ надѣялся видѣть свои идеи осуществленными. Онъ вѣрилъ, что если бы дѣла велись лучшимъ образомъ, Флоренція вышла бы побѣдительницей изъ борьбы 1529 года и приобрѣла бы вѣчную славу; теперь, думаетъ онъ, гнетъ тиранніи долженъ вскорѣ привести къ новой революціи въ городѣ, и пусть тогда избѣгнуть ошибокъ, совершенныхъ правителями предшествовавшихъ временъ. Его конституція устранить всякую внутреннюю опасность, милиція отклонить всякую внѣшнюю, и, если судьба дозволитъ городу одержать только одну побѣду собственнымъ оружіемъ, его слава вознесется до небесъ (*Della ger. fior.*, IV, 7): «И это было бы нисколько не удивительно, говорить онъ съ энтузіазмомъ, еслибы Флоренція сдѣлалась вторымъ Римомъ, ибо масса и природа жителей и могущество положенія обезпечиваютъ за ней способность сдѣлаться величайшей имперіей». Но революція не произошла. Въ 1535 году, послѣ смерти папы Климента, онъ обратился къ Павлу III съ *Discorso delle cose d'Italia*, гдѣ показывалъ, какъ король французскій желаетъ войны, но какъ онъ можетъ вести ее только въ Италіи, съ помощью итальянскихъ князей, какъ наоборотъ императоръ желаетъ мира, ибо онъ такимъ образомъ можетъ съ наибольшимъ удобствомъ достигъ своей цѣли, покоренія Милана и полного владычества надъ полуостровомъ. Итальянскія державы должны предупредить эту опасность, онѣ должны утвердить свою независимость или вновь приобрести ее, прежде чѣмъ это будетъ поздно, посредствомъ союза съ Франціей, которая будетъ рада унижить императора и которая болѣе не стремится къ господству въ Италіи, и посредствомъ союза съ королемъ Англіи, могущественнымъ благодаря его богатствамъ. По мнѣнію автора такой планъ дѣйствій наиболѣе разуменъ, но онъ опредѣляетъ, что для удобства будетъ предпочтенъ миръ, являющійся источникомъ рабства. Такъ дѣйствительно и случилось; еще въ томъ же самомъ году, благодаря смерти Франческо Сфорца (1-го ноября 1535), герцогство миланское попало въ руки императора и вліяніе его отнынѣ стало всемогущимъ.

Послѣ убіенія Алессандро де-Медичи, Джіаннотти въ началѣ 1537 года прибылъ во Флоренцію, но черезъ нѣсколько дней удалился отсюда, такъ какъ увидалъ, что ему грозитъ опасность потерять свободу, и отправился въ Болонью, гдѣ находились наиболѣе видные изгнанники. Въ маѣ онъ былъ еще разъ во Флоренціи; онъ былъ посланъ кардиналомъ Сальвіати по поводу безплодныхъ переговоровъ съ императорскимъ посланникомъ, и повидимому потомъ присутство-

валъ въ Монтемурло, гдѣ, послѣ незначительныхъ стычекъ, перваго августа Филиппо Строцци былъ взятъ въ плѣнъ. Онъ снова отправился въ Болонью и въ началѣ 1538 года въ Венецію. Поступивъ на службу къ кардиналу Никколо Ридольфи, который былъ однимъ изъ переводчиковъ флорентинскихъ изгнанниковъ, онъ жилъ съ нимъ съ 1543 года до 1545 въ его епископствѣ въ Виченцѣ, потомъ по большей части въ Римѣ, гдѣ онъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Микель Анджело. Послѣ смерти кардинала Ридольфи онъ примкнулъ къ кардиналу Франсуа де-Турнону и сопровождалъ его много разъ во Францію. Въ 1563 году онъ снова прочнымъ образомъ поселился въ Венеціи, жилъ независимо, тихо и счастливо, будучи снабженъ достаточными средствами, благодаря внимательности кардинала Ридольфи, и будучи занятъ заботами о своихъ маленькихъ племянникахъ. Позднѣе (1566) мы находимъ его въ Падуѣ, а въ 1571 году Пій V пригласилъ его въ Римъ въ качествѣ секретаря dei Brevi; но, благодаря своему преклонному возрасту, онъ выказалъ себя совершенно неспособнымъ и вскорѣ былъ смѣщенъ. Онъ умеръ въ Римѣ въ 1573 году.

Въ послѣдніе свои годы Джіаннотти мало писалъ; онъ не дѣлалъ почти ничего, кромѣ того, что перерабатывалъ свои прежнія сочиненія. Въ 1540 году онъ напечаталъ діалогъ *Della repubblica de' Veneziani* и за два года до этого (10 іюля 1538 года) писалъ къ Варки: «Такъ какъ мы не можемъ разсуждать о нашихъ дѣлахъ, будемъ говорить о дѣлахъ другихъ и не будемъ такимъ образомъ изгнаны изъ родины». На самомъ дѣлѣ онъ постоянно держалъ въ тайнѣ свое сочиненіе о флорентинской республикѣ, гдѣ весьма сурово осуждалъ тираннію фамиліи Медичи, показывалъ ее только самымъ вѣрнымъ друзьямъ и не дѣлалъ копій ни для кого; это сочиненіе появилось впервые лишь спустя полтора года послѣ его смерти. Политическая наука брала свое содержаніе изъ дѣйствительности; во Флоренціи ее создала свободная политическая жизнь и вмѣстѣ съ этой послѣдней она здѣсь умерла, для того чтобы воскреснуть позднѣе въ другой республикѣ.